

Небо цвета надежды

Автор:

[Амита Траси](#)

Небо цвета надежды

Амита Траси

Индия, конец 1980-х. Мукта еще совсем мала, но уже почти достигла того возраста, когда должна пройти обряд, посвятить себя богине Йелламме, как делали все женщины в ее роду, – и стать храмовой проституткой, услугой для мужчин. В попытке избежать судьбы Мукта оказывается в Бомбее, в услужении у благополучного семейства. В новой жизни у нее появляется не только безопасность, но и Тара – подруга и названная сестра, которая знакомит ее с неведомым миром: мороженое и стихи, полночные разговоры и книги. Но одной роковой ночью Мукту похищают...

2000-е годы. Прошло больше десяти лет после исчезновения Мукты. Тара уже давно живет в Америке, но воспоминания никак не отпускают ее, она винит себя в случившемся. Каждый прожитый день для нее окрашен печалью. И однажды она решает – возвращается в Индию, чтобы найти Мукту, разобраться в секретах своей семьи и искупить свой давний поступок.

Эмоциональная, драматическая и полная оптимизма история двух девочек вызывает в памяти знаменитый роман Халед Хоссейни “Бегущий за ветром”. Кажется, что судьбы Мукты и Тары предопределены вековыми традициями и социальной пропастью между ними, но дружба, любовь и стремление искупить вину помогают им сохранить надежду и преодолеть невозможное.

Амита Траси

Небо цвета надежды

The Color Of Our Sky by Amita Trasi

Copyright © 2015 Amita Trasi

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Издано при содействии William Morrow, HarperCollins Publishers и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© А. Наумова, перевод с английского, 2019

© “Фантом Пресс”, оформление, издание, 2019

* * *

Посвящается памяти моего отца, моему чудесному мужу Самиру

и, конечно, девушкам, подобным Мукте, –

пусть у каждой из вас будет друг, готовый вывести вас из тьмы

Глава 1

ТАРА

Мумбаи, Индия. Июнь 2004

Воспоминания о той ночи накатывают океанской волной и тянут меня за собой. Кислый вкус темноты и всхлипы, словно эхо из бездонной шахты. Я так долго старалась избавиться от них, но не учла, что места тоже обладают памятью. Стоя на полутемной площадке возле квартиры, в которой выросла, я пыталась отпереть дверь. Ключи выскользнули из рук и со звоном упали на пол. Все оказалось сложнее, чем я думала. «Вдохни поглубже – и храбрости прибавится», – говорил мне в детстве папа. Сейчас же мне было двадцать пять, я стояла перед запертой дверью и снова чувствовала себя ребенком.

Подняв ключи, я сделала еще одну попытку. Потом толкнула двери, и они заскрипели. В квартире было сумрачно. Там, снаружи, раскаты грома сотрясали небо, а по крышам барабанил дождь. Сиротливое солнечное пятно замерло на мебели, покрытой многолетней пылью. Я застыла посреди заброшенной комнаты, глядя на паутину в углах моего бывшего дома. Включив свет, я провела рукой по пыльному письменному столу. «Это всего лишь квартира», – убеждала я себя. Но в ней осталось столько связанных с детством вещей – мой письменный стол, за которым папа учил меня читать, и диван, где мы сидели всей семьей перед телевизором.

В спальне стояла моя кровать – тщательно заправленная, какой я ее оставила. Я слышала наш смех, вдыхала запах детства – запах приготовленной ааи[1 - Мать (маратхи). – Здесь и далее примеч. перев.] еды, которой она с такой любовью кормила меня, – цветочное благоухание шафрана в пулао[2 - Блюдо из риса.], дал[3 - Пряное карри с чечевицей.] с куркумой, сладкий аромат расгуллы[4 - Сладкие клецки из творога.]. Нет, конечно, все эти ароматы давно уже выветрились, оставив лишь затхлый душок запертых комнат и похороненных секретов.

Я отдернула занавески, выпустив облачко пыли. За окном лил дождь, и капли покачивались в колыбелях листьев. На улице все было таким же, как одиннадцать лет назад, когда мы с папой уехали отсюда в Лос-Анджелес, – гудящие и сигналившие машины, рикши, лай бродячих собак, трущобы вдали. Чемоданы я оставила у порога. Сейчас, глядя в окно, я поняла, почему папа

никогда не делал попыток ни продать, ни сдать эту квартиру. Уже одиннадцать лет наш дом был в Америке, но папа надеялся когда-нибудь вернуться сюда и отправиться на поиски Мукты. Ведь, в конце концов, именно отсюда ее похитили.

Говорят, время лечит любые раны. Я в это не верю. Годы проходят, и я с удивлением замечаю, как самые невинные мелочи воскрешают воспоминания о тех ужасных временах или как моменты, которые изо всех сил стараешься забыть, навсегда врезаются в память.

В тот день я вышла из квартиры, твердо решив отыскать ответы. Таксисты выстроились в очередь – каждый ждал, надеялся, умолял сесть к нему в машину. Есть в этом городе нечто, чего мне никогда не забыть. Я вижу, чувствую, слышу это повсюду – застывшие на человеческих лицах мечты, запах пота и грязи, гул хаоса в воздухе. Это случилось здесь – стены обрушились, машины смело с дороги, осколки стекла пронзили наши жизни, а наши близкие превратились в воспоминания. Я остановилась, перед глазами появилась ожидающая меня где-то ааи. Она взяла меня на руки, и ее подведенные глаза наполнились слезами. Пока взрывы не забрали ее, все было иначе.

– Мадам, я везти вас, куда вы пожелать, – выкрикнул какой-то таксист.

– Нет, нет, сюда! – замахал руками другой.

Я кивнула одному из таксистов, и тот торопливо уселся за руль. Когда я залезла в машину, заморосило, влага висела в воздухе.

– Отвезите меня в отделение полиции в Дадаре, – сказала я.

– Мадам из-за границы? Это понимать, потому что вы так говорить. Я отвезти вас в самый наилучший отель в Мумбаи. Вы...

– Отвезите меня в полицию, – строго повторила я.

Больше водитель ничего не говорил и только мычал, подпевая едва не разрывавшим динамики болливудским песням. Копавшиеся в мусоре обитатели

трущоб и уличная ребятня бросали свои занятия и бежали за машиной. Несмотря на морось, город накрывала волна зноя, а ветер пах гарью, карри и нечистотами. Пешеходы по-прежнему разгуливали в опасной близости от проезжей части, рядом что-то бубнили рикши, а побирушки, прося милостыню, стучали мне в окно. На тротуарах, как и раньше, сидели нищие, чья крыша над головой была простым куском брезента, женщины громко торговались с рыночными лоточниками, а мужчины с отсутствующим видом слонялись по улице. На стенах над ними пестрели болливудские плакаты с рекламой новых фильмов.

По этим улицам папа водил меня в детстве гулять. Однажды ааи взяла меня с собой на базар, где я, по ее примеру, пыталась торговаться. Этой же дорогой мы с Муктой и папой ездили на такси в Азиатскую библиотеку. С каким восторгом я показывала Мукте море и сад, знакомила ее с моим миром. Сколько раз она несла мой рюкзак, провожая меня в школу, или сидела рядом на скамейке в парке, прихлебывая ледяной гола[5 - Сироп со льдом, который продают в Мумбаи уличные торговцы.]. Сейчас, сидя на заднем сиденье такси, я чувствовала, как желудок сжался в комок. От этих воспоминаний я словно оцепенела: дыхание перехватило, совершенное мною преступление душило меня. Я наклонилась к окну и постаралась вдохнуть.

- Мадам, вот полиция, - сказал водитель, сбавив ход.

Когда такси остановилось, мелкий дождь уже превратился в настоящий ливень, и дворники яростно терлись о лобовое стекло. Выйдя, я оказалась по колено в луже. По зонтику забарабанил дождь. Я расплатилась с таксистом. Чуть поодаль, возле мусорных баков, дети в дождевиках с визгом плескали друг в дружку грязной водой.

В знакомом участке я уселась на скамейку в углу и положила сумку на колени. Одиннадцать лет назад мы с папой просиживали тут часами, силясь понять и осмыслить случившееся. Сейчас, среди людей в очереди, я мечтала, чтобы папа сидел рядом. В каком-то смысле он и сейчас был со мной: в сумке лежала урна с его пеплом. Исполняя последнюю волю отца, я привезла сюда его прах, чтобы развеять над Гангом.

Рядом располагался стол, заваленный документами, из-за которых выглядывала макушка полицейского, а позади первого еще один стол, за ним тоже сидел

дежурный. Он вел прием посетителей, выслушивал жалобы и делал пометки. Их третий коллега устроился в кресле неподалеку, уткнувшись в газету. Быстро просеменив мимо меня, чайвалла, разносчик масала-чая[б - Сладкий чай с молоком и специями (кардамон, имбирь, корица, перец, гвоздика).], расставил по столам стаканы с бурой жидкостью. Снаружи донесся вой сирен, и полицейские втащили в отделение двоих мужчин в наручниках.

Женщина передо мной со слезами умоляла полицейского побыстрее отыскать ее пропавшего сына; полицейский, позевывая, сделал несколько пометок, после чего выпроводил посетительницу. Наконец очередь дошла до меня, и я уселась перед дежурным. Тот потер глаза.

- Что у вас? - Судя по голосу, он устал.

- Я хотела бы поговорить с вашим начальником, старшим инспектором.

Он оторвался от экрана и прищурился:

- И о чем же, мадам?

На деревянной доске за его спиной таблица: количество убийств и похищений за год, с пометкой о раскрытых.

- О похищении, случившемся одиннадцать лет назад. Тогда украли девочку. Заявление написал мой отец.

- Одиннадцать лет назад? - Дежурный изумленно вытаращил глаза. - И разыскать ее вы решили сейчас?

Я кивнула.

С любопытством глядя на меня, он тоже кивнул:

- Ладно, подождите.

Полицейский поднялся, подошел к какой-то двери и постучал, а когда та открылась, показал на меня и что-то прошептал. Открывший дверь инспектор

взглянул на меня и шагнул навстречу.

– Инспектор Правин Годболе. – Он пожал мне руку и сообщил, что занимает должность старшего инспектора.

– Я... У меня... Я разыскиваю похищенную девочку. Пожалуйста, помогите мне. Я... я только что прилетела из Америки.

– Прошу вас подождать несколько минут, у меня сейчас посетитель. А потом займемся и вашим делом.

В кабинет старшего инспектора я попала лишь спустя пару часов. За это время успела съесть припасенный сэндвич и понаблюдать за дежурным, который принял еще нескольких посетителей. Я с радостью выпила стакан предложенного чайваллой чаю. Ожидание меня не пугало. Я чувствовала облегчение, пусть и мимолетное: наконец-то у меня есть возможность поговорить не просто с кем-то, а с человеком, занимающим достаточно высокую должность, а значит, способным помочь.

Глаза у инспектора Годболе были умными и проницательными, и у меня появилась надежда, что от его взгляда не укроется то, что осталось загадкой для других. Он пригласил меня присесть. На столе лежала его полицейская каска с гербом и девизом: «Сатьямэва джаяте» – «Лишь истина побеждает».

– Чем я могу вам помочь?

Представившись, я села, открыла бумажник и вытащила фотографию. Мукта и я, совсем юные, возле Азиатской библиотеки. Инспектор взял снимок и взгляделся в него.

– Это ее я разыскиваю. Девочку на фотографии, – сказала я.

– Которую? – уточнил полицейский, всматриваясь в снимок.

– Та, что справа, это я. А другую похитили одиннадцать лет назад.

Брови у него поползли вверх:

- Одиннадцать лет назад?

- Э-э... Да. Ее похитили из нашего дома в 1993 году, сразу после взрывов. Когда это произошло, я была рядом, в той же комнате, что и она.

- Значит, вы видели похитителя?

Я замялась.

- Нет... Почти не видела, - солгала я.

Инспектор кивнул.

- Ее звали... зовут Мукта. Она была... сиротой. Мои родители удочерили ее. - Я пустилась в объяснения: - Папа был очень добрым и в свободное время сотрудничал с приютами и разными благотворительными организациями - помогал с усыновлением сирот. Иногда он приводил таких детей к нам домой. Папа подбирал на улице беспризорников или привозил из деревни детей из нищих семей, и те жили у нас дома. Один, иногда сразу двое. Спали они на кухне, ааи готовила для них еду, а через несколько дней папа устраивал их в детский дом или в приют. Папа всегда пытался помочь. А Мукта... он так старался. В ее родной деревне с ней случилось какое-то несчастье. И она долго молчала, отказывалась говорить. Она...

- Ясно, ясно, - перебил инспектор, - мы попробуем ее отыскать.

Мне захотелось сказать ему, что Мукта, в отличие от других детей, остававшихся у нас самое большее пару недель, прожила с нами пять лет. Была нам настоящим другом. Захотелось рассказать, как она любила читать стихи и как боялась отбойных молотков. И как нам с ней хотелось вырасти рядом.

- Мисс Тара?

- Мой... мой отец тогда написал заявление. О том, что... О похищении.

Инспектор глубоко вздохнул, потер щетинистый подбородок и поднес снимок к глазам. Фотография, обтрепанная и поцарапанная, превратилась в замороженное во времени воспоминание, в котором мы обе улыбались фотографу.

– Мисс Тара, все это случилось очень давно. Сейчас она... выросла! Более свежих снимков у нас нет, а без фотографии искать человека очень сложно. И тем не менее я подниму ее дело. Для этого мне надо будет связаться с отделом, который занимается поиском без вести пропавших. А почему вы вообще спустя столько лет решили искать эту нищую деревенскую девочку? Она украла что-то из вашего дома? Какую-нибудь фамильную драгоценность?

– Нет-нет, просто... Папа так старался подыскать всем остальным детям семью. По-моему, папе казалось, будто Мукта – единственная, кого ему не удалось уберечь. Он так и не простил себе этого. Нам говорили, что ведутся поиски. Мне же папа сказал, что Мукта мертва. Возможно, так ему сообщили в полиции. Не знаю. После этого папа увез меня в Америку. Я... я не знала, что она жива. После его смерти я нашла в его столе документы. Он долго разыскивал ее. И все то время, пока он искал, я считала ее мертвой. Ему бы хотелось, чтобы я продолжила поиски.

– Мадам, когда такие дети пропадают, их никто не ищет. Посмотрите, сколько детей разгуливает по трущобам – до них никому нет дела, и даже когда они исчезают, то никого это не волнует.

Я молча смотрела на него. Одиннадцать лет я мысленно возвращалась к той летней ночи, к тем мгновениям, когда в моих силах было предотвратить случившееся. Я знала, кто ее похитил. Всегда знала. В конце концов, это была моя идея. Но инспектору я об этом не сказала, иначе одним признанием мне было не ограничиться. Как бы то ни было, я не собиралась рассказывать ни о причинах, побудивших меня к этому поступку, ни о похитителе. Мне хотелось лишь найти Мукту.

Инспектор помахал фотографией и громко вздохнул.

– Дайте мне пару дней. Я подниму ее дело. У нас зарегистрировано много подобных случаев. Дежурный запишет ваши показания. – Он вызвал дежурного и попросил его проводить меня.

– Благодарю вас. – Я поднялась, но в дверях обернулась: – Я буду очень признательна, если вы мне поможете!

Инспектор поднял голову и слегка кивнул, после чего вновь погрузился в работу. С показаниями дежурный управился за несколько минут.

Выйдя из полиции, я остановилась на крыльце, глядя на припаркованные рядом служебные машины, на полицейских с папками в руках, на посетителей, нетерпеливо ожидающих своей очереди, и внезапно вся эта затея показалась мне совершенно безнадежной. Почему я вообще решила прийти сюда и попросить о помощи? Ведь они даже не стали задавать мне вопросов. Помню ли я день, когда это произошло? Слышала ли я что-то необычное перед тем, как поняла, что происходит? Сколько времени было на часах в спальне? Почему преступник не похитил заодно и меня? Почему я не кричала? Почему я не разбудила папу, ведь он спал в соседней комнате? Задай они мне их – и я не смогла бы удержаться от признаний.

Я прикурила, сделала несколько затяжек и выпустила дым через нос. Двое стоявших на крыльце женщин-полицейских наградили меня неодобрительным взглядом. Я улыбнулась. Курящих женщин встретишь здесь нечасто. Свою первую сигарету я выкурила в Лос-Анджелесе вместе с Брайаном, когда мне было восемнадцать. С Брайаном, моим женихом и когда-то – великой любовью, которого я без излишних страданий оставила в Лос-Анджелесе. Будь все по-прежнему, в этот самый момент мы с ним валялись бы на пляже, глядя на лижущие песок волны. Но с Брайаном покончено. Посмотрев на безымянный палец без кольца, я вздохнула, бросила окурки и наступила на него ногой.

Я вышла в уличный шум, под влажный ветер. Не обращая внимания на раны на грязных ногах, ко мне торопливо заковыляла шестилетняя девочка в лохмотьях. Она протянула руку и с мольбой посмотрела на меня. Я заглянула в ее полные надежды глаза, и она словно уцепилась за мой взгляд. Другие дети собрались чуть поодаль и с любопытством наблюдали за мной. Порывшись в сумочке, я отыскала несколько рупий и протянула их девочке. В следующий миг меня окружила толпа ребятишек. Я раздала им еще несколько купюр, и дети с восторженным визгом бросились врассыпную.

– Есть тут где-нибудь ресторан? – спросила я одного из мальчишек, и на его темном лице засияла ослепительная улыбка.

– Вон там, мадам. Лучший масала-чай... Очень вкусный, очень хороший. – И он помахал мне на прощанье.

В это время дня в ресторане было почти безлюдно. Я положила сумочку на стул и заказала чай с сэндвичем. Мальчишки лет десяти-двенадцати протирали столы, и на их влажные поверхности тут же садились мухи. Официант принес мне стакан чая. Тучи на небе расплзались, между ними проглядывала синева. Когда я впервые увидела Мукту, она сидела у нас в кладовке, темной и грязноватой, и смотрела в окошко, не сводя глаз со звезд, словно искала среди них что-то. Я вспомнила ту ночь, когда родители спали, а я прокралась в ее комнату. Она вновь глядела на небо. Мукта обернулась, удивленная моим появлением.

– Чего ты все высматриваешь? – спросила я.

– Смотри, – ответила она, показывая в окно, – и сама увидишь.

Я вошла в комнату, уселась подле нее и посмотрела на звезды, алмазами поблескивающие на ночном небе.

– Амма[7 - Мама (хинди).] говорила, что после смерти мы превращаемся в звезды. Она сказала, что когда умрет, то станет звездой и будет за мной присматривать. Но там их так много, видишь? И которая из них амма, я не знаю. Может, если смотреть подольше, я наконец это пойму. А она подаст мне знак. Ты в такое веришь?

Я пожала плечами:

– Не знаю. Если ты сама в это веришь, значит, так оно и есть.

– Это все правда, – прошептала она, – надо только присмотреться.

Мы сидели и разглядывали звезды на безоблачном темном небе. В ту ночь, как и много ночей после, я допоздна пробыла у нее. Шли годы, а мы по ночам сидели в темной комнатке и в лучах лунного света говорили о нашей жизни. Так мы спасались от мира. Мукта научила меня смотреть на небо как на сцену, где облака превращались в разных персонажей, меняли форму, наползали друг на дружку. Небо рассказывало нам больше историй, чем книги, больше, чем рисовало воображение.

Глава 2

Мукта

Деревня Ганипур, Индия. 1986

Мы похожи на дурман-траву: наши цветы, яркие, лишаящие рассудка, распускаются по ночам, а на рассвете увядают. Так говорила мне в детстве бабушка Сакубаи, мать моей матери. Тогда ее слова звучали как стихи, мне нравилось слушать ее, хотя порой я лишь хихикала, не понимая смысла. Эти воспоминания приходят в голову первыми, когда меня спрашивают о моей жизни.

Долгое время я не знала, что моя мама – храмовая проститутка и что наша семья принадлежит к касте, по давней традиции посвящающей своих дочерей богине Йелламме[8 - Ренука Йелламма – Великая Матерь, очень почитаемая в индуизме богиня.]. Сакубаи рассказывала, что, когда нашей страной правили англичане, нам покровительствовали раджи и заминдары[9 - Утвержденные в правах земельные собственники в Индии после колонизации Индии Великобританией.]. Люди относились к нам с почтением, как к жрицам. В храмах мы исполняли священные танцы и молитвенные песнопения, а во время невзгод селяне просили нас о благословении. Традиция осталась прежней. Вот только раджей среди наших благодетелей больше нет, и нам покровительствуют всего несколько мужчин, принадлежащих к высшей касте. Когда девочкам из низшей касты исполняется восемь лет, они проходят церемонию посвящения Богине. В нашей маленькой деревушке на юге Индии нас еще называют девадаси[10 - Храмовая проститутка.] – «служительницы Богини».

На протяжении многих поколений женщины в моей семье становились девадаси, так что мне суждено было повторить их судьбу. Однако в детстве я не знала об этом. Не знала о том, что мое тело мне не принадлежит. Порой я забываю, что когда-то была ребенком и мир представал передо мной радостным и наивным. Все вокруг напоминало сон – светлые утренние часы, пробуждение в деревенском доме под безоблачным небом, откуда тянулись столь щедрые лучи солнца, что, казалось, для жизни ничего больше и не нужно. У нас в деревне выращивали рис, кукурузу и просо, и со всех сторон к домам подступала буйная зелень. Когда ветер ласково гладил меня по лицу, амма говорила, что это Бог решил потрепать меня по щеке. Она говорила, что Бог наблюдает за каждым моим движением, а я ей верила и, срывая с чужого дерева плоды манго, боялась Божьего наказания. В детстве, когда я не знала о моем предназначении, жизнь была иной.

Моя амма была красавица. Однажды я сказала ей, что ее медового цвета кожа похожа на золото, а белки ее глаз – будто алмазы. Она засмеялась. Я на нее была совсем не похожа. Сакубаи говорила, что для девочки из низшей касты кожа у меня чересчур светлая, так что я, очевидно, унаследовала внешность и зеленые глаза от отца, принадлежавшего к высшей касте брахманов[11 - Одна из высших каст индийского общества. Исторически брахманы были жрецами и монахами.].

Думая о тех временах, я вспоминаю нежные темные глаза аммы, вспоминаю, как она рассказывала мне сказки и пела песни. Как глаза ее менялись по ходу развития событий в сказке и как преображались с песней. Голос у нее был мягкий и мелодичный – порой я и сейчас его слышу.

Ветер дует над лесом,

Над горами и морями,

И я ясно слышу его,

Как он нашептывает мне на ухо,

Поет песни о королевствах и храбрых королях,

О прекрасных принцессах и благородных рыцарях.

О, это ветер говорит со мною.

Слушая ее, я и сама седлала ветер и взмывала вверх, над деревней, над горами, оставляя позади камни и скалы, задевая ветви деревьев, пролетая мимо птиц, я мчалась в город, где жил мой отец. И я думала об отце: интересно, что он сейчас подглядывает? Может, глядит в окно, высматривая в толпе мое лицо, или переходит улицу, думая обо мне, или едет сюда, чтобы познакомиться со мной?

Отца я никогда не видела, а то немного, что знала о нем, услышала от Сакубаи. Амма почти никогда про него не говорила, и если вдруг вскользь упоминала о нем, то на лице у нее появлялось мечтательное выражение – отблеск любви. Иногда, когда мы с аммой ходили в деревню, я видела на базаре другие семьи и понимала, что в нашей чего-то не хватает. Я видела девочек, таких же, как я, но они держали за руку своих пап или же сидели у них на плечах. Они казались мне такими счастливыми и спокойными. Амма говорила, что отец на все готов, чтобы защитить своих дочерей. По ее словам, со мной все было иначе, но она знала, что когда-нибудь и на моей улице будет праздник. Все, что нам оставалось, – это ждать! Я никогда не спрашивала амму, где мой отец или кто он, хотя спросить ужасно хотелось. Я боялась пробудить в ней воспоминания, но порой все же осмеливалась спросить и видела в ее глазах отчаяние. Поэтому я слушала ее сказки и никогда не перебивала: а хочет ли вообще мой отец меня увидеть? Что ж, подождем, говорила я себе.

Дом, в котором жили мы с аммой и Сакубаи, стоял на самой окраине нашей деревушки Ганипур, а сама деревня лепилась к подножию гор Сахьядри, неподалеку от границы со штатами Махараштра и Карнатака. Когда-то давно этот дом выстроил для Сакубаи ее покровитель-заминдар, владевший окрестными землями. Дом был небольшой, всего-то две комнаты, в одной жила Сакубаи, а в другой по ночам спали мы с аммой. В углу нашей комнаты уютилась кухня, просто маленький, обложенный закопченными камнями очаг. Когда-то дом был обнесен деревянным забором, но с одной стороны он прогнул и обвалился, задолго до моего рождения, так что теперь задний двор стоял пустой и открытый.

Однажды Сакубаи достала из старого сундука потрепанную черно-белую фотографию. На ней дом выглядел иначе и был совсем не похож на тот, в котором мы жили. Когда она показала мне снимок, я ахнула и не поверила, что вижу наш дом.

– Это не наш дом, – упрямо заявила я.

– Наш! – возразила Сакубаи. Она посмотрела в окно, словно мир за ним вдруг стал другим, и я проследила за ее взглядом. – Вон там, – показала она, – был сад. Видишь розы у калитки и белые цветы кое-где по эту сторону забора?

Я вглядывалась, но ничего не видела. По крайней мере, все это не шло ни в какое сравнение с домом на снимке. По словам Сакубаи, на доме – том, с фотографии, – была прекрасная черепичная крыша, свежескрашенная, сливочного цвета. Мне казалось, будто я и вправду чувствую запах той краски. Дом же, в котором мы жили сейчас... Его крыша обветшала и протекала, а стены выцвели от старости. Глядя на дом издали, я видела тянущиеся к крыше усы вьюна, трещины, привычным орнаментом расчертившие стены.

Наш дом почему-то всегда казался мне очень печальным. Мне никак не удавалось представить тот, другой дом из рассказов Сакубаи. Окно, выходившее на улицу, было разбито, да еще и перекошилось, отчего стена напоминала грустную рожицу, а во время дождя мы подставляли ведро под щель в крыше. В детстве я смотрела, как капли, словно слезы, падают в ведро, и думала, будто крыша плачет. Оно и неудивительно – видно, она чувствовала себя никому не нужной и брошенной.

Разговоры о доме всегда печалили Сакубаи.

– Он оставил меня ради более молодой девадаси, – вздыхала Сакубаи, а когда я пыталась поймать ее взгляд, она опускала глаза и утирала слезы краешком паллу[12 - Часть сари, на которой расположен самый насыщенный узор, край одной стороны полотна, свисающий с левого плеча женщины.].

Амма говорила, что наш ветхий домишко напоминает Сакубаи о былой, давно утраченной любви.

Когда я думала об этом, мне тоже становилось грустно.

Я никогда не говорила маме, что вечер стал для меня самым ненавистным временем. По вечерам на наш порог падала тень – это приходили мужчины из высших каст, всегда разные. Они приносили маме мешок зерна или одежду, у некоторых были с собой сладости, или бидончик с какой-то жидкостью, или несколько кокосов. Мне казалось, что никто из них не видит маму такой, какой ей хочется предстать перед ними. Они были чересчур пьяны, чтобы заметить ее струящиеся по плечам волосы, браслет из жасминовых цветов на запястье или благоуханные лотосы, которые мама разбрасывала по полу.

В такие вечера Сакубаи уходила на всю ночь. Она говорила, что идет в деревню в гости к подруге и что мне с ней нельзя. В дом заходить мне тоже запрещалось. Оставалось лишь сидеть на заднем дворе, и моей постелью на эту ночь становилась холодная бетонная плита. На ней я ела и там же спала. Взбунтоваться мне и в голову не приходило – другой жизни я не знала. Вот только, сидя под луной, одинокой, подобно мне, я чувствовала, как в мое сердце вползает боль. По утрам мне разрешалось войти в дом, когда мама позовет меня, что бывало лишь после ухода мужчины. Но однажды, просто из любопытства, я открыла дверь и замерла. С порога я видела всю комнату – разобранную кровать со смятыми простынями, рассыпанные по полу цветы жасмина, слышала запах духов и спиртного. И еще я видела мужские ступни и волосатые голени, а рядом – ноги мамы. Что именно мне думать и чувствовать, я не знала. В каком-то оцепенении я повернулась и вышла во двор, где сидела, пока мама не позвала меня в дом. Как обычно, постучав в заднюю дверь, она с порога окликнула меня. Я бросилась к ней, а она обняла меня, поцеловала и попросила прощения за то, что мне пришлось провести ночь на улице. Обычно этого бывало достаточно – через мгновение моя боль уходила, а злость и вопросы рассеивались. Сейчас же вопросы никуда не делись, но, так как смелости задать их маме у меня не было, я решила выяснить все у Сакубаи.

В тот вечер мама сбивала на заднем дворе масло. В деревянном чане, полном молока, крутились лопатки, прямо как мысли у меня в голове. Сакубаи ушла к себе в комнату, где теперь играла на танпуре[13 - Струнный музыкальный инструмент, используемый в классической индийской музыкальной традиции.] и пела, прославляя Бога:

Ночное небо молчит,

И мир уснул,

Но мы в нашем скромном доме

Слышим голос моего Бога,

Моего Парамешвары[14 - Верховный Владыка, в индуизме Бог, обладающий телом; часто синоним бога Шивы.].

Я на цыпочках прокралась к ее комнате и остановилась у двери. Иногда, слушая музыку, я думала, что слышу сердце нашего дома, звуки лились мне в уши, наполняя тело ритмом. Но сегодня я лишь понуро стояла, дожидаясь, когда песня закончится.

- Ну чего тебе? - проворчала Сакубаи, кладя перед собой танпуру. Задать вопрос было нелегко, но я знала, что надо просто быстро выпалить слова - и все.

- Зачем к амме приходят все эти мужчины? Среди них и мой папа есть, да? - проговорила я почти шепотом.

- Да, - вздохнула Сакубаи. - Пора тебе узнать обо всем.

Она поманила меня к себе и похлопала рукой по лежанке рядом. Похоже, мой вопрос привел ее в какое-то странное возбуждение. В глазах появился блеск, как бывало, когда они с аммой сплетничали, и Сакубаи прижала к губам палец, будто просила меня хранить тайну.

- Я расскажу тебе о том, о чем амма говорить не желает. Видишь ли, мы - одни из многих женщин, чьи прародительницы дали обет посвятить всех рожденных в их семье дочерей богине Йелламме. После того как твоя амма прошла обряд посвящения, к ней начали приходить мужчины. Вот так это и происходит. Сейчас обряд всего один, и он становится все короче и короче, но в мои времена церемоний в нем было две. Во время обряда посвящения мне надо было искупаться в трех священных прудах, после чего моя мать и старейшины отвели меня к главному жрецу. В этом состоял основной обряд. Тогда мне было восемь лет. Жрец прочел молитвы и рассказал о моих обязанностях перед Богиней и деревней.

- Каких еще обязанностях? - спросила я.

- Не перебивай. А потом меня ждала вторая церемония, Удитумбуваду[15 - Церемония «Первая ритуальная ночь»]. Когда я прошла ее, мне было

двенадцать или тринадцать. Ах, я сияла, словно невеста! Меня нарядили в красное сари, а жрец несколько часов читал надо мною мантры и осыпал мою голову рисом. А после этого... – она глубоко вздохнула, – после этого жизнь изменилась...

Я никак не могла взять в толк, при чем тут мужчины, которых принимает амма, и почему Сакубаи молчит, когда я расспрашиваю ее о моем отце. Я подумала, что, возможно, Сакубаи просто не расслышала, и решила еще раз спросить ее об этом, но она так увлеченно рассказывала, что перебивать я не стала.

– Каждый день рано утром я принимала ванну и отправлялась в храм, где жрец совершал пуджу[16 - Религиозный обряд в индуизме, во время которого образу божества преподносят благоволия, цветы или пищу.] в честь богини Йелламмы. Обычно я подметала в храме полы, но иногда старшие девадаси учили меня песнопениям, прославляющим Йелламму. Они же показали мне, как играть на танпуре, научили танцевать танец садбир, который исполняется в храме для Богини в знак почтения. В некоторые дни мы ходили от дома к дому и просили подаяние. А потом пришел день, когда меня увидел в храме один заминдар. Он сказал, что хочет сделать меня счастливой, и даже выстроил для меня этот дом. В те времена жизнь была прекрасной. Тогда...

– Что же ты не расскажешь ей, как твоя жизнь изменилась и как, несмотря ни на что, ты возложила бремя этого ремесла на плечи твоей дочери? – раздался вдруг голос аммы. Она вошла в дом с заднего двора и теперь стояла перед нами, упершись рукой в бедро. При каждом слове ее длинные серьги подрагивали. – И, если уж ты об этом заговорила, почему бы тебе не признать, что на свадьбу это не особенно похоже? Свадьба, значит? А жених тогда где?

– Нельзя так говорить, – Сакубаи зажала руками уши, – рассердишь Богиню. Осквернишь традицию – и Богиня наложит на нас вечное проклятье. Наша судьба решается в ту секунду, когда мы рождаемся на свет.

– Какая еще традиция? Что решается? Что мы во имя Бога всю жизнь должны спать с разными мужиками? Что для Бога мы служанки, а для всех деревенских мужчин – жены?

– Это отец Мукты тебе голову заморочил. Вложил в нее грешные мысли. Как ты не поймешь, мы – нитья сумангали[17 - «Вечно счастливые», еще одно название

храмовых проституток.], спасены от тягот вдовства, потому что ни единому мужчине не суждено взять нас в жены. Нам не нужен муж. Мы удостоены привилегии связать судьбу с Богиней. Ты сошла с ума – столько лет ждать его! Он оставил тебя, когда ты была беременна Муктой, – неужели ты думаешь, что он вернется к тебе? Он и правда тебя околдовал. – Сакубаи вздохнула.

– Никто меня не околдовывал. И ни от чего мы не спасены. По-твоему, наша жизнь – это привилегия? Посмотри вокруг. В каком мире ты вообще живешь? Отец Мукты лишь открыл мне глаза. Нельзя так жить!

– Вон оно что. И как же тогда нам жить? Впрочем, об этом я и слышать не желаю. Через пару лет Мукту ждет обряд посвящения. И тебе пора ее подготовить.

– И что, по-твоему, я должна ей рассказать? Как каждый мужчина в деревне приходит попользоваться нами, чтобы потом выбросить? Или мне научить ее, как отказаться от надежд? Рассказать, что мужчина ее никогда не полюбит и что ожидания напрасны? Научить, как не рожать детей, как не... – Голос аммы задрожал, она едва сдерживала рыдания. Когда я увидела в ее глазах слезы, то и сама расплакалась, коря себя за глупое любопытство.

– Можешь сколько угодно себя обманывать. Женщины нашей общины не знают своих отцов. Отца никто из нас не заслужил. С чего ты решила, что Мукта заслужила? – И Сакубаи махнула рукой, выпроваживая амму из комнаты.

Слова эхом отдавались у меня в ушах. Так больно мне еще не бывало, даже когда амма ругалась или била меня за какие-нибудь проступки. Я выбежала из дома и долго просидела во дворе, наблюдая, как вечер наполняется темнотой. Здесь, на улице, было тихо, а разговаривать мне было не с кем, и я просто смотрела на небо, на яркую, словно улыбающуюся мне луну. Я говорила с лунной – рассказывала, что мне нужен отец, и спрашивала, согласна ли она со мной. А потом я попросила луну передать мою мольбу Богу, чтобы тот вернул мне отца. Я надеялась, что однажды луне надоест слушать мое нытье и посмотреть на меня, и тогда она придумает, как мне помочь.

Размышляя о жизни, которая меня ожидает, я слонялась по скалистым лесам у подножия Сахьядри. Друзей у меня не было. Деревенские жители никогда не

разрешали детям приближаться к общине девадаси, живших на окраине. До моего рождения там было много женщин – им, как и нам, суждено было прожить жизнь рабынями, но много лет назад наша деревня сильно пострадала от засухи и девадаси решили покинуть эти места. Амма уезжать отказалась, поэтому теперь наш дом сиротливо торчал на окраине. Прямо как я. Горы Сахьядри – вот с кем я дружила. Я карабкалась по скалам так же стремительно, как обезьяны по деревьям. Амма вечно тревожилась, что я заблужусь, разобьюсь или что на меня нападет какой-нибудь дикий зверь, но здесь, в дремучих лесах, я находила утешение – звуки и свежий воздух успокаивали меня. Чего мне бояться, когда вокруг благоухают цветы? По ночам путь мне освещали светлячки, я бежала за ними, и они всегда выводили меня из леса.

Все мои горести начались с того самого момента, когда к нам впервые явилась Мадам. Мне тогда было девять лет. Она постучалась в нашу дверь, и браслеты у нее на руке мелодично зазвенели. Вместе с ней пришел сильный, хорошо сложенный мужчина. День был пасмурный, дождь начал накрапывать уже рано утром, а вскоре в сгустившихся тучах загредел гром. Ливень колотил по разбитым дорогам, утрамбовывая грязь. Я глядела в окно и вдыхала сладкий запах земли, когда по нашему крыльцу затопали их заляпанные ноги.

Сакубаи все утро слонялась по дому и нетерпеливо теребила паллу своего сари, явно кого-то ожидая. Увидев их в окно, она торопливо засеменила к двери. Ее глаза сияли, а лицо расплылось в улыбке. Она пригласила гостей в дом и долго обнималась с ними. Я стояла позади, боязливо выглядывая из-за спины Сакубаи. Мадам сложила зонтик, поставила его возле двери и протянула руки в приветствии:

– Намаскар[18 - Приветствие.], Сакубаи. Сколько же лет мы не виделись! У тебя все хорошо?

Сакубаи кивнула. Она отвела Мадам в угол, и они обе уселись на пол, скрестив ноги и глядя друг на дружку. Мужчина же привалился к косяку и дальше не пошел. Его налитые кровью глаза шарили по сторонам, но время от времени он задерживал взгляд на мне. Из-за щетины на подбородке выглядел он каким-то неряшливым. Ухмыльнувшись, он развязал обмотанный вокруг шеи платок, потом почесал треугольник черных волос, торчащих из-под расстегнутой рубахи.

– Это, наверное, твоя внучка Мукта? – Мадам повернула голову ко мне, а я с опаской посмотрела на нее. – Подойди сюда. – Мадам взяла меня за руку и

попыталась подтянуть к себе, но я увернулась и схватилась за сари Сакубаи.

– Не бойся. Это друг, – сказала Сакубаи, высвободила свое сари из моих пальцев, и в следующую секунду я уже стояла перед Мадам.

Яркое оранжевое сари оттеняло ее кожу, а губы были красные, словно вымазанные в крови. Несмотря на толстый слой белой пудры, я разглядела на ее пухлых щеках маленькие шрамы, как будто кто-то не пожалел времени и наделал в ее коже крошечных дырочек.

– Какая ты красавица! – Она сжала мои плечи. – Глаза зеленые, да еще и кожа светлая. Сакубаи, тебе выпал счастливый билет!

– Иди в комнату, Мукта, – приказала амма. Я и не заметила, как она вошла. – И пока я не позову, сиди там.

Я вывернулась из объятий Мадам и скрылась в другой комнате, но тут же прикинула к стене, вслушиваясь в разговор и время от времени выглядывая из-за занавески.

– Это что за поведение? Ты даже не поприветствовала нас. Что же это, девочка? Забыла, кто я такая? – спросила Мадам амму.

– Нет, не забыла. Разве о таком можно забыть? – с отвращением воскликнула амма, скрестив руки на груди.

– Перестань, как ты разговариваешь с гостями! – Сакубаи потянула ее за руку.

– Мы хотим, чтобы ты отпустила свою дочь вместе с нами в Бомбей, – сказала Мадам амме, – ты же знаешь, что именно за этим я и приехала.

– Никуда она не поедет. Я напою вас чаем, а потом попрошу вас покинуть наш дом.

Вздыхнув, Сакубаи потерла руками колени и опять вздохнула.

– Такого обращения я не заслужила, – сказала Мадам, когда амма вышла.

- Ты же знаешь мою дочь, она такая несдержанная. Сама не понимает, что говорит.

Амма стояла рядом со мной – готовила чай. Я смотрела, как она разливает густую бурюю жидкость по низеньким стаканам. Когда она ставила стаканы на поднос, руки ее дрожали. Дышала она часто и прерывисто и постоянно моргала. Мадам же, будто бы простив грубость аммы, как ни в чем не бывало болтала с Сакубаи.

- Как дела в Бомбее? – спросила Сакубаи.

Сердце у меня замерло. Бомбей. Они приехали из Бомбея – города, где жил мой отец. Я вдруг напрочь забыла обо всем остальном. Мне захотелось выбежать из-за занавески и спросить, знают ли они моего отца. Впрочем, у меня были другие вопросы, и немало. Знают ли они, где находится мой отец? Они вообще с ним знакомы? А сам город, Бомбей, какой он? В голове у меня появилось целое море мыслей. Эти люди приехали, чтобы забрать меня в Бомбей? Их прислал мой отец?

Какое-то время все шло хорошо. Амма подала чай, и Мадам с наслаждением прихлебывала из стакана. Сакубаи и Мадам увлеченно беседовали, и мне казалось, будто они меня не замечают.

И вдруг Мадам позвала меня:

- Подойди сюда.

Я посмотрела на амму и по ее взгляду поняла, что слушаться я должна лишь ее, а иначе меня ждет выволочка.

- Подойди сюда. – На этот раз голос Мадам звучал тихо и потому почти грозно. Я вышла из укрытия и шагнула к ней.

- Чего тебе надо? – спросила амма, вцепившись мне в плечи.

– Чего мне надо? – Мадам подала знак своему спутнику, тот отлепился от двери, бросился к маме и схватил ее за руки; мама принялась вырываться и браниться.

– Пусти! – требовала она, а я накинулась на него, осыпая ударами. Но он, конечно, был намного сильнее и лишь отмахнулся от меня, словно от мухи.

Мужчина подхватил маму на руки, словно одну из моих тряпичных кукол, вынес ее из комнаты и, связав веревкой, бросил за занавеской. Я и ахнуть не успела, как Мадам дернула меня за руку и поставила перед собой. Держа меня за подбородок и вглядываясь в мое лицо, она повернула мне голову сначала в одну сторону, а потом в другую, после чего расстегнула мне блузку и развязала наду[19 - Завязки на одежде.], так что юбка упала на пол. Ее рука скользнула вниз по моей шее и змеей поползла по телу. Я с трудом сдерживалась, чтобы не расплакаться. Сквозь пелену слез я смотрела на Сакубаи и ждала знака, который подсказал бы мне, как поступить, но она даже не взглянула на меня. Сакубаи не сводила глаз с окна, дождь барабанил по крыше, капли падали в ведро.

– Хм. Ты совсем еще юная, – сказала Мадам, разглядывая мое голое тело. – Что скажешь? – спросила она мужчину.

Тот пристально осмотрел меня с головы до ног, и стыд горячей волной захлестнул меня.

– По-моему, она готова. Даже если и нет, то через год уж точно будет. – Он ухмыльнулся и потрепал меня по щеке.

Мадам подняла с пола блузку с юбкой и одела меня так нежно, будто забыла, как грубо обошлась со мною минутой назад.

– Ты представляешь, сколько денег зарабатываешь, если поедешь со мной в Бомбей? – спросила она меня. – Ох, не плачь. Глаза у тебя как изумруды, а когда ты плачешь, они меркнут.

Она подошла к маме, сидевшей возле двери со связанными руками.

– Ты поступила умно, родив дочь. Она красивая и такая светлая! Только в нашей общине понимают, насколько важны девочки. Они – хранительницы традиции, на них лежит благословение Богини. Даже если будешь прятать свою дочь, от судьбы все равно не убежишь.

На прощанье Мадам пообещала Сакубаи:

– Мы щедро заплатим за обряд твоей внучки.

– Главное, чтобы она исполнила свое предназначение, – смиренно ответила Сакубаи, глядя в окно, словно уже прощалась со мной.

После их ухода Сакубаи проковыляла в комнату, развязала амму и погладила ее по спине. Амма стряхнула ее руку. На щеках у аммы я заметила следы слез. Она обняла меня, и я разрыдалась. Сакубаи обхватила нас руками, стараясь утешить.

– Это ты их вызвала, да, Сакубаи? – спросила амма.

– Да. Ты же меня не слушаешь. Все надеешься, глупенькая, что отец Мукты вернется. А я не могу просто сидеть и смотреть. Мы должны следовать традиции.

– Я этого не допущу, – сказала амма.

– У тебя нет выбора, – возразила Сакубаи.

Много дней спустя случившееся стало казаться мне ночным кошмаром, плодом моего собственного воображения. Мне хотелось так думать. Хотелось считать, будто я уснула в лесу и видела сон, а потом меня разбудили пробравшиеся сквозь листву лучи солнца. Воздух был горяч и полон лесных ароматов – точь-в-точь моя жизнь до того дня. Я никак не могла взять в толк, почему наши гости так грубо обошлись с нами и зачем Сакубаи вообще пригласила их к нам в дом, однако в душе у меня поселился страх. Грудь сдавливало, сердце порой ни с того ни с сего начинало бешено колотиться, и даже в моем прекрасном лесу я не могла больше спокойно дышать.

Дома же наша жизнь теперь текла совсем неслышно. Готовя еду и смешивая специи, мы с аммой старались не смотреть друг на друга – боялись, что если взгляды наши встретятся, то воскреснут мучительные воспоминания о том дне. Сакубаи держалась в стороне. Чаще всего она сидела у себя в комнате и смотрела в окно или бродила вокруг дома, не обращая на нас внимания. Тишина вползла в наши жизни, запирая страхи и мысли в наших душах. Мы жили, как и прежде, делая вид, будто ничего не случилось.

Однажды утром я услышала нежный голос аммы.

– Мукта, Мукта, иди сюда, доченька! – звала она меня.

Она сидела возле очага, а за ее спиной кипел котел с рисом. Натянуто улыбнувшись, амма похлопала по полу рядом. Я присела возле нее, стараясь не шелохнуться, страшась, что малейшее мое движение все испортит. Амма обхватила мое лицо ладонями.

– Я обдумала все, что произошло в тот день, – сказала она. – Я позвоню твоему отцу. Мне неизвестно, где именно в Бомбее он живет, но в деревне осталась его мать – твоя бабушка, – и она обещала дать мне его номер. А потом мы с тобой поедем туда и поговорим с ним. Твой отец не похож на других мужчин. Он всегда помогает тем, кто нуждается в помощи. Уверена – он поймет, как сильно я мечтаю уберечь тебя от такой жизни. Я хочу, чтобы твоя жизнь сложилась иначе. Лучше. – Она печально посмотрела на меня и отвела взгляд.

Я ошарашенно кивнула. Мне и в голову не приходило, что мать моего отца жила в нашей деревне и что амма общалась с ней. Но расспрашивать вновь я не решилась.

– Я тогда не смогла защитить тебя, – прошептала амма, погладив меня по голове.

Я взглянула на нее, чувствуя, как разрывается мое сердце. Из глаз у меня брызнули слезы. Амма обняла меня, а я прижалась к ней. Не помню, сколько мы просидели там, возле очага, сжимая друг друга в объятиях, согреваясь теплом

кипящего позади нас котла. Сквозь слезы я видела языки пламени в очаге – они взметались вверх и вновь опадали, предсказывая, что моя жизнь вот-вот изменится.

Глава 3

Тара

2004

Проснувшись тем утром, я сперва растерялась. Несколько секунд смотрела в потолок, разглядывая пыльные лопасти вентилятора и вслушиваясь в позвякивание китайских колокольчиков. Выцветшие бежевые стены вокруг лишь еще сильнее сбивали с толку. Где же я? И тут я вспомнила. Я в доме, где прошло мое детство. В папиной квартире в Мумбаи, далеко-далеко от моей собственной скромной квартирки в Лос-Анджелесе. После моего возвращения прошло уже две недели. Две недели с того дня, как я оставила заявление в полиции. И до сих пор я не имела ни малейшего представления, где искать Мукту.

Я вздохнула, взяла с тумбочки сумку и достала список благотворительных организаций, который скачала в интернете. В списке было всего пять названий; эти центры занимались розыском похищенных детей. Я принялась обзванивать их. По первым трем номерам никто не брал трубку. В четвертой организации меня вежливо выслушали и обещали перезвонить, если обнаружат что-нибудь важное. По пятому номеру трубку снял мужчина, и я надеялась, что хотя бы он мне поможет.

– Мой отец обратился в детективное агентство, чтобы они нашли Мукту, – повторила я, сперва рассказав мужчине обо всем в общих чертах.

– Ясно. И вы говорите, что на звонки в этом агентстве не отвечают, так? – Голос у него был низкий и хриплый.

– Да. Я много раз им звонила, но трубку там не берут. И с того самого дня, как я приехала сюда, я без конца к ним езжу, но постоянно натываюсь на запертую

дверь. Я просто... Я не знаю, с чего начинать поиски. Даже от полиции толку мало. Я здесь уже две недели, и ничего не происходит. – От отчаяния я искала утешения у совершенно постороннего человека, даже сама удивилась.

Мой собеседник вздохнул.

– Как, вы сказали, вас зовут?

– Тара.

– Тара. Попробуйте все же связаться с детективным агентством. Возможно, им что-то известно. Отказывать не в наших правилах, но она исчезла одиннадцать лет назад, а мы занимаемся только делами не старше пяти лет. Наша организация появилась недавно, и сейчас мы стараемся расширить сферу наших услуг, однако вашим делом заняться не сможем. Говорить подобные вещи тем, кто разыскивает близких, неприятно, но факты таковы, что каждый час в Индии исчезает не менее десяти детей, и семьдесят процентов из них навсегда остаются пропавшими без вести. Существует также вероятность...

Он продолжал говорить, но я положила трубку, а потом встала, вышла на балкон и оглядела окрестности с высоты нашего второго этажа. На улице возле дома колыхалось море разноцветных зонтиков. Прохожие брели по колена в воде, чайвалла в киоске зазывал всех желающих выпить чаю с пакорой[20 - Овощи в кляре из нутовой муки.], лоточник торговал жареной кукурузой. Когда он дул на угли, в воздухе плясали языки пламени. В детстве я обожала дождь – главным образом, за то, как он менял город, вдыхая жизнь в его шумную уличную суету. Мне тогда казалось, что укротить этот город под силу лишь дождю.

Я вспомнила, как пускала кораблики в сточных канавах, проложенных бомбейскими ливнями, как играла в крикет с соседскими мальчишками на мокром после дождя поле, как возвращалась домой, вымокшая и перепачканная, а ааи выговаривала мне за не подобающий девочке вид. Я закрыла глаза и увидела мою ааи, гнев в ее обычно ласковых глазах и бинди[21 - Точка, которую наносят красной краской на лоб.], подрагивающую у нее на лбу. Иногда ааи приглашала к нам в гости соседок. Они располагались у нас в гостиной и начинали сплетничать, поднимая такой гвалт, что стены дрожали. Больше всех перемыть другим косточки любила круглолицая и острая на язык Мина-джи, мамина лучшая подружка.

– Я тебе давно собиралась сказать. Про дочку твою... – часто говорила Мина-джи маме, – уж слишком у нее много джош[22 - Характер, горячность (хинди).]... Чересчур она боевая. Редко кто скажет о таком напрямую матери. Вот только как потом найти такой девочке мужа? Лишь мы, женщины, знаем, что подыскать достойного супруга нашим дочкам ох как непросто. Как она будет вести хозяйство? Она же играет только с мальчишками, да еще и колотит их. Вот ужас-то! Приструни ее, иначе замуж не выдашь. Так и будешь до конца жизни приданое копить, а жениха-то не найдется.

Вспомнив тот разговор, я улыбнулась. Интересно, что бы Мина-джи сказала, увидев меня сейчас, незамужнюю, да и семьей назвать некого. Будь папа жив, мы бы сейчас вместе посмеялись над ее словами. Папа всегда поддерживал меня, оберегая от сплетен и пустых пересудов.

Папа был высоким и красивым, и соседи нередко приходили к нему за советом. Он усаживал их на диван в гостиной и участливо выслушивал их жалобы. Время от времени я пряталась в кухне – старалась подслушать. Поначалу до меня доносился приглушенный голос, полный горя и отчаяния, а затем начинал говорить папа. Голос его звучал мягко и ободряюще, гости покидали наш дом, светясь от радости, и я воображала, что папа брызжет на них колдовской водой. Иногда я спрашивала папу, не волшебник ли он, а он в ответ смеялся.

– Волшебство прячется в словах, доченька. Это когда тебе удастся подыскать слова, проникающие прямо в душу. Такое еще называют вдохновением.

Я вспомнила, как здесь, на этом самом балконе, папа болтал со своим закадычным другом дядей Анупамом. Они курили, пуская колечки, ааи угощала друзей самосами[23 - Жареные пирожки с пряной начинкой.], и квартира наполнялась дымом и чадом. Порой папа сидел здесь в одиночестве, уткнувшись в книгу, а я докучала ему, требуя, чтобы он рассказал о своей жизни в деревне.

– И как тебе не надоедает выслушивать одно и то же столько раз? – смеялся он.

Я любила эти рассказы и готова была бесконечно их слушать. Папа словно брал меня с собой, и мы вместе бродили по его воспоминаниям о детстве в деревне Ганипур. Я забиралась к нему на колени и будто глядела на мир его глазами. Я видела, как он играет в кабадди[24 - Древняя, популярная и поныне командная игра, своего рода сочетание пятнашек и регби (но без мяча).] и крикет с другими

деревенскими мальчишками. Он рассказывал о манговых деревьях и свисающих с них плодах, о танцующих под дождем павлинах, о том, как колышутся на ветру колосья риса и проса, и об огромном баньяне, который рос посреди деревни и под которым он впервые увидел ааи.

– И в какую сторону ни посмотри, Тара, небо там повсюду чистое и голубое, и на сердце от этого так спокойно. Бывало, вдохнешь, а воздух такой чистый... Такой свежий.

Мир в его рассказах был другим, совсем не похожим на знакомый мне Бомбей, где из-за домов выростали новые дома, а там, где не было домов, раскинулись стройплощадки. Я никогда не видела ни рисовых полей, ни танцующих посреди них павлинов. В моем воображении эти образы превращались в сказочные истории, подобные тем, которые я читала.

– Однажды я свожу тебя в мою деревню, – обещал мне папа, и я ждала. Но этот день так и не настал.

Папа рассказывал, что еще до моего рождения они с ааи сбежали из деревни в шумный город и поселились здесь, в районе Дадар, в этой самой квартире. Стоя на балконе и разглядывая улицу, я вдруг поняла, что за эти годы почти ничего не изменилось. Вдоль стен нашего дома по-прежнему росли ашоки[25 - Тропическое дерево, произрастающее в Индостане.] и кокосовые пальмы, а на углу торчало одинокое миндальное дерево, покачивая на ветру ветвями. Мне вспомнился покосившийся щит при подъезде к жилому комплексу, гласивший: «Жилищный кооператив Виджайя». Унылый вахтер у ворот всегда казался мне похожим на Суппанди – простачка из комиксов. Каждый раз, проезжая мимо ворот, мой лучший друг Навин, на два года старше, толкал меня локтем в бок, напоминая об этих комиксах, чем вызывал приступ безудержного хихиканья.

С этого балкона мы с Навином глазели на свадебные церемонии, восхищенно рассматривая жениха верхом на лошади и людей, танцующих вокруг под громкую музыку. До появления в нашей жизни Мукты мы с Навином не разлучались ни на секунду – болтали, смеялись или ругались, вместе ходили в школу, играли с мальчишками, а летом бегали за мороженым или ловили бабочек в пластиковые бутылки.

Помню, просыпаясь по утрам, я слышала, как Навин играет на ситаре, его голос и ритм раги[26 - Мелодии, используемые в индийской классической музыке.]. Я вскакивала с кровати, в спешке заглывала завтрак и мчалась к Навину – послушать его пение. Папа смеялся и поддразнивал меня:

– Только один знакомый нам всем мальчик может вытащить тебя из постели в такую рань.

Папа говорил, что нам с Навином было суждено подружиться и предрешено это было еще до нашего рождения. Мой папа и отец Навина, дядя Анупам, дружили с самого детства. Дядя Анупам был высоким и широкоплечим, по сложению похожим на папу и тоже зеленоглазым. Папа окончил Индийский институт технологий и стал инженером, а дядя Анупам открыл в Бомбее собственное дело. По словам папы, в деревне они росли, как братья, хотя на самом деле их семьи жили по соседству. Папа и дядя Анупам вместе играли, вместе ходили в школу и занимались. Дядя Анупам часто рассказывал, как в детстве они разыгрывали доверчивых односельчан. Помню, он разговаривал с папой о своей жене, маме Навина, которая умерла, когда сыну было шесть лет. Дядя Анупам постоянно ее вспоминал, рассказывал папе, какой у нее был нежный голос и как чудесно она пела. Из их бесед я узнала, что мама Навина изумительно играла на ситаре и мечтала, чтобы ее сын стал знаменитым музыкантом. Исполняя последнюю волю матери и желание отца, Навин каждый день часами занимался музыкой. На моей памяти мальчик никогда не жаловался, ни разу, хотя мне эти бесконечные уроки казались настоящей пыткой.

Я взглянула на соседний балкон – когда-то в этой квартире жили Навин с дядей Анупамом, но сейчас с самого моего приезда там царила тишина. Я всматривалась в темные окна, в запертые двери, и мне захотелось, чтобы однажды Навин и дядя Анупам тоже вернулись. Возможно, они, как и мы, бежали подальше отсюда. Тот судьбоносный день, когда папа увез меня в Америку, положил конец нашей дружбе. С тех пор я больше никогда не разговаривала ни с Навином, ни с дядей Анупамом. И я никак не могла взять в толк, почему папа разорвал все отношения со своим другом, почему он никогда не звонил дяде Анупаму из Америки. Тогда же все мои добрые детские воспоминания внезапно испарились, и теперь, чтобы оживить их, мне надо было хорошенько покопаться в памяти. Соседка с другой стороны развешивала белье на сушилке. Где-то по радио играла старинная индийская песня.

– Я столько здесь потеряла, – проговорила я вслух, – и не знаю, как мне все исправить.

Откуда-то издали слышался птичий щебет, а вороны на проводах прямо передо мной тревожно взмахивали крыльями.

Вечером я решила дать детективам еще один шанс. Не знаю, о чем думал папа, решившись потратить время и деньги на сыскное агентство, которое даже на звонки не отвечает. Я вытащила документ, который они прислали папе по факсу в США. В письме были указаны два адреса, и я решила съездить в их центральный офис.

Поймав такси, я зачитала адрес водителю. Где это, он не знал, но обещал выяснить. По пути мы несколько раз останавливались и спрашивали дорогу у прохожих, а те терпеливо объясняли нам, как добраться. Подъехав наконец к нужному месту, я отпустила такси и осталась в одиночестве. Здание было старым и обветшавшим, стены потрескались. Я подошла к двери и посмотрела на вывеску: «Частное детективное агентство Дхарам и партнеры».

Лифта внутри не было, и я пешком поднялась на третий этаж. К моему удивлению, дверь оказалась открыта. Я заглянула внутрь. На детективное агентство это было ничуть не похоже. Два заваленных бумагами стола и голые стены. За одним из столов сидела девушка лет двадцати с густо подведенными глазами. Она быстро подняла голову и посмотрела на меня.

– Добрый день, – сказала я.

– Да, слушаю вас?

– Мой отец... был вашим клиентом.

Она промолчала.

– Я могу поговорить с владельцем агентства? – спросила я.

- Минуточку, пожалуйста.

Я огляделась. Повсюду на полу валялись документы.

- Имя? - Теперь девушка смотрела в компьютер.

- Ашок Дешмух - так звали моего отца.

Она ввела имя в систему и быстро просмотрела стопку документов на столе.

- Да, вспомнила. Но его дела здесь нет. Шеф забрал его с собой.

- Шеф?

- Да, владелец агентства, мистер Дхарам Део.

- А, ну да, ясно. Послушайте, у меня есть копии всех писем, которые отец отправлял из Америки мистеру Дхараму Део. И вот еще квитанции - это платежи, которые отец вам переводил. Но мистер Део не написал ни слова о том, как продвигаются поиски. Отец просил его разыскать девочку, которую похитили много лет назад.

- Прошу меня извинить, мадам, но мне ничего не известно. Если хотите, можете дождаться мистера Део - возможно, он вернется через пару часов. Или я попрошу его вам позвонить.

- Я подожду. - И я уселась на стул возле окна.

Мое присутствие девушку явно не обрадовало, и она бешено застучала по клавиатуре. Я просидела там пять часов - вслушивалась в далекие автомобильные гудки, наблюдала, как работает секретарша, вытирала выступивший на шее пот и смотрела на вращающийся под потолком вентилятор.

Устав от ожидания, я подошла к девушке.

– Могу я узнать номер его мобильного? – спросила я. – Или, возможно, у вас найдется визитка вашего начальника? По номеру, который у меня был, никто не отвечает.

Она порылась в ящике, выудила оттуда заляпанную карточку и бросила ее на стол:

– Держите. Но этот номер не работает.

– Вон оно что. Вы бы вели себя повежливей. Иначе придется мне пожаловаться вашему шефу.

Она взглянула на меня и махнула рукой.

– Ладно, – сказала она, – здесь в шкафу есть еще дела. Давайте посмотрим – может, и отыщем что-нибудь.

Девушка принялась выдвигать ящики и просматривать бумаги.

– Ашок Дешмух – это ваш отец, верно? Смотрите, вот список благотворительных организаций, с которыми он сотрудничал. самого дела я не нахожу. Свяжитесь с этими организациями – возможно, они вам помогут.

– Благодарю.

Девушка кивнула, но не улыбнулась. Сжимая в руке список, я спустилась вниз. На листке были названия семи благотворительных организаций, с которыми общался папа. Скольким же детям он помог найти дом? И сколько детей жило с нами? Честно признаться, я даже не все имена помнила. Был Абдул, очаровательный четырехлетний малыш, который постоянно писался, а ааи убирала за ним. А еще одиннадцатилетняя Шобна – она откусывала кусочек шоколадки, разжевывала ее и выплевывала прямо на пол. И такой лохматый мальчик-побирушка, от которого пахло словно от мусорного бака. Ааи так боялась, что я подхвачу от него вшей, что потом еще несколько недель мазала мне волосы кокосовым маслом.

Передо мной остановилось такси, водитель опустил стекло и выжидающе посмотрел на меня. Я назвала ему первый адрес в списке. Может, им известно что-нибудь о Мукте... Я не теряла надежды.

Глава 4

Мукта

1987

Интересно, много ли девочек так тоскуют по отцовской любви? Словно ловишь луну, а та прячется за деревьями. С той самой секунды, когда амма сказала, что мы позвоним отцу, в моей голове неутомимыми пчелами кружились мысли. Я представляла, как впервые услышу голос отца, и вздрагивала от восторга. Хорошо бы голос у него был мягкий и ласковый. А мой голос – понравится ли он ему? Но больше всего меня тревожили слова: вот мы поздороваемся, и что мне ему сказать потом? Дни напролет я прокручивала в голове разные фразы и повторяла их, словно дрессированный скворец. «Меня зовут Мукта» – так я скажу. Нет, как-то глуповато. Ведь имя-то мое ему прекрасно известно. Может, лучше спросить: «Как ты поживаешь? И как там Бомбей?» Нет, тоже глупо. Я отметала фразу за фразой, идею за идеей и в конце концов решила выложить все начистоту. «Аппа, я скучаю по тебе». Аппа – вот как я его буду называть.

Видеть телефон мне никогда прежде не доводилось. Амма говорила, что телефон есть в деревне, но она никогда не звонила по нему. По ее словам выходило, что это какая-то волшебная машинка, которая отвечает голосом того, с кем нам хочется побеседовать. Амма говорила, что это настоящее чудо. Я представляла себе маленького человечка, совсем крошку, он запросто уместился бы в мою коробку для бездомных котят. Наверное, этот человечек – великий волшебник, если уж умеет разговаривать с обоими собеседниками.

Утро было солнечное. Когда мы вышли из дома, Сакубаи еще спала, а иначе стала бы выпытывать, куда мы идем. Солнце в тот день было таким ярким. Оно выглядывало из-за облаков, и в улыбке аммы пряталось счастье. Я и мысли не допускала, что день пройдет совсем не так, как я себе представляла. Перед

выходом я никак не могла выбрать наряд и в конце концов решила надеть желтую юбку с блузкой, потом устроила переполох из-за прически – мне не понравилось, как амма причесала меня. Я даже в ванной торчала дольше обычного, пока амма не крикнула мне:

– По телефону отец тебя все равно не увидит!

Этого я не знала, но сказала, что папа обязательно поймет по голосу, какое у меня настроение, поэтому мне непременно надо чувствовать себя хорошо. Амма закатила глаза.

По пути в деревню я бежала впереди аммы, взметая в воздух мягкую пыль, покрывавшую узкую дорогу, что вела к нашей цели. Навстречу лишь прогрохотала телега, да еще два трактора, натужно пытаясь проехать в сторону фермы. Потом я увидела бредущих мимо усталых рабочих, настолько вымотанных, что они даже не заметили нас. Помню, как мы с мамой шли, ветер лениво перебирал листву на высоких деревьях вдоль дороги и приглаживал траву под ними, а вокруг чирикали птицы, но больше всего мне запомнилось ощущение переполнявшего сердце счастья, и я даже позабыла о своих ногах, грязных и до боли натертых.

Помню большой баньян – он рос на деревенской площади, в самом центре, растопырив в стороны воздушные корни. Неподалеку от него располагался базар, где женщины горласто торговались с лоточниками, сидевшими на корточках возле весов. Телефон находился в бакалейной лавке, и к нему выстроилась длинная очередь. День выдался жаркий, и мы ждали нашей очереди, а с неба нам сияло солнце. Телефон стоял на табуретке, и, когда мы подошли к ней, амма сняла трубку и принялась растерянно вертеть ее в руках – как пользоваться телефоном, она не знала. Бакалейщик вздохнул, взял у аммы бумажку с цифрами и набрал номер.

– Передай сагибу, что я тебе помог, – сказал он удивительно вежливо и учтиво. Судя по всему, мой отец занимал в этой деревне не последнее место.

– Это я! Я! – проговорила в трубку амма. Глаза ее расцвели радостью, на губах заиграла улыбка.

Что ей отвечают, я не слышала. Амма прижимала к уху трубку, а руки ее дрожали. Я с любопытством разглядывала стоявшую на табуретке квадратную черную коробку с круглым диском.

– Тут со мной Мукта. Хочешь поговорить с дочерью?

Амма умолкла, вслушиваясь в слова человека на том конце провода. Ее глаза заблестели.

Меня охватила настоящая буря чувств, я вдруг испугалась этого незнакомого отца, испугалась, что услышу его голос, однако я вдруг почувствовала себя защищенной, и осознание этого захлестнуло меня. Я протянула руки к телефонной трубке, но передавать мне ее амма не торопилась.

Она слушала молча, нахмурившись.

– Но... но... она – твоя дочь. Поверь мне. Она правда твоя дочь. – Амма вновь умолкла, а потом тихо прошептала: – Она... оставаться здесь для нее... опасно. – И, словно не в силах больше говорить или слушать, амма прижала трубку к груди, как младенца, и задумчиво посмотрела вдаль.

Из трубки доносился монотонный гудок. Нам бы знать, что это звук отказа. От нас отреклись – вот что он означал. Но амма так просто не сдавалась.

– Он за тобой приедет... заберет тебя... – бормотала она по дороге домой.

Спустя всего несколько дней после нашего звонка я почти увидела отца – этот момент я потом то и дело вспоминала. Эту весть принесла нам Сакубаи. Она заглянула к нам в окно и, во весь рот улыбаясь, воскликнула:

– Готовится праздник! Заминдар готовит праздник и уже пригласил богачей из соседней деревни. Сын заминдара приезжает, из самого Бомбея! Отец Мукты приезжает!

Приподняв юбку, амма выбежала на улицу.

– Я знала, знала! Он придет сюда, к нам! – И она бросилась на шею Сакубаи.

Наша радость была преждевременной, но надежда всегда одерживает верх над доводами. В тот вечер, когда из Бомбея, по слухам, должен был приехать отец, наш дом выглядел так, как на одной из старых бабушкиных фотографий. Конечно, красить его никто не стал, и трещины на стенах никуда не делись, да и крыша по-прежнему протекала, однако теперь дом утопал в цветах, которые амма накупила в деревне, – лилиях, жасмине, подсолнухах и розах, наполнявших дом красками и ароматом. Амма повсюду расставила масляные светильники, и огонь ярко плясал на фитильках, озаряя комнаты ярким желтым светом. Она вымыла мне голову и надушила волосы особыми духами. Я нарядилась в зеленое платье, купленное специально по этому поводу. Амма убрала волосы в пучок и украсила их гирляндой гайра. Окончив приготовления, мы устроились на пороге и принялись ждать, не сводя глаз с ведущей к нашему дому пустынной улицы. Солнце нависло над горизонтом, грозя вот-вот закатиться за горы, а мы все сидели и ждали. Каждая уходящая минута уносила с собой свет и приближала сумерки. Пламя в светильниках возле дома металось из стороны в сторону и отбрасывало на стену длинные тени, будто дразня нас. Вскоре над нашими головами засияла луна.

На пороге появилась Сакубаи. Держась за больное бедро, она осторожно опустилась на ступеньки возле нас.

– Я же говорила, дочка. Я предупреждала, – прошептала она.

Но амма не слышала. Она не отрывала глаз от дороги.

– Пошли. – Амма вдруг вскочила на ноги. Она была полна решимости, в голосе звенело непривычное упрямство. – Вставай. – Она схватила меня за запястье и потянула вверх.

– Ты куда это? – спросила Сакубаи.

– К дому заминдара.

Путь нам освещала луна. Ноги наши были заляпаны грязью, а на новые юбки оседала пыль. Сейчас, вечером, в деревне царила тишина. Мы шли молча, ни о чем не думая, и остановились только перед домом заминдара. Лишь тогда я вдруг заметила, что пальцы аммы до боли сжимают мне руку.

– Здесь живет твой отец... вернее, жил до того, как оставил нас и уехал в Бомбей.

Дом был высокий, кирпичная стена почти скрывала двор. Возле входа горели изящные светильники, мы слышали музыку и звон браслетов, какие носят на ногах танцоры. Прежде я никогда еще не видела этого дома – того самого, где жил заминдар и где вырос мой отец.

Амма направилась к дому, я шла за ней следом. Возле ворот стояли двое грозных охранников в униформе, каждый сжимал в руках латхи[27 - Бамбуковая палка с металлическим наконечником.]. Ворота у них за спиной были украшены бархатцами и жасмином. К приему гостей хозяева подготовились хорошо.

– Убирайтесь отсюда! Да побыстрее, а то сагиб сейчас выйдет и отругает нас. Нечего всяким шлюхам из низшей касты делать рядом с его домом! – крикнул один из охранников.

Амма не испугалась.

– Мне надо поговорить с сагибом.

Охранники посмотрели на нас, потом переглянулись и расхохотались.

– Ну да, ну да, сагиб спит и видит, как бы ему с тобой поговорить! – И они засмеялись еще громче.

– Никуда я не уйду. И вы меня не заставите.

Один из охранников махнул рукой:

– Ну жди тогда.

– Но если будешь тут отираться, то хоть отойди подальше, тебе нельзя подходить к дому ближе чем на десять футов, – сказал другой. Он показал на баньян: – Вон, сиди там.

Мы сели под баньяном, его ветви скрывали нас от глаз принадлежащих к высшей касте гостей, что прибывали на собственных автомобилях. Мы видели, как из некоторых машин выходят женщины, на их шеях блестели золотые ожерелья, их шелковые сари переливались, а паллу развевались на ветру. Порой из машины выходили мужчины. Все они были наряжены в курты[28 - Традиционная рубашка без пояса, доходящая до колен.], и все казались гордыми и благородными. И каждый раз амма вглядывалась в их лица, высматривая того, кого любила. Когда охранники открывали ворота, впуская гостей внутрь, музыка становилась громче, а затем ворота закрывались и музыка словно удалялась.

Амма разрешила мне вскарабкаться на дерево, откуда был виден двор. Я и не знала, что празднования бывают такими роскошными. В просторном дворе легко могло уместиться пять наших домиков. Гости бродили по двору, смеялись и болтали, их лица озаряла радость, а драгоценности сверкали в отсветах фонарей. Мне казалось, будто их лица тоже светятся – их наполняет светом мудрость, благодаря которой им доступен мир, какого нам никогда не достичь.

Даже издали я разглядела длинные, накрытые белыми скатертями столы, уставленные блюдами с соленьями, чатни, роти[29 - Чатни – индийские соусы, роти – индийский хлеб, лепешки.], рисом, разными овощами и карри. В одном конце двора собрались мужчины, они разговаривали серьезно и лишь время от времени улыбались. Женщины же, сбившиеся в группки по другую сторону двора, перешептывались и смеялись. Вокруг сновали слуги. Некоторые разносили воду и шербет, а другие предлагали гостям качори[30 - Жареные лепешки с овощной начинкой.].

Немного погодя машины перестали подъезжать к воротам, а я, устав сидеть на дереве, слезла и села возле аммы. Мы молча слушали звуки ночи и доносившуюся из дома музыку, мы слышали, как охранники курят кальян и, прихлебывая дару[31 - Крепкий дешевый алкогольный напиток.], рассказывают о том, что вытворяют их отпрыски.

Амма сказала, что именно так они с моим отцом и познакомились. Ее пригласили танцовщицей на праздник, который заминдар давал в честь своего сына – моего отца.

– И я сразу запала ему в душу. Мы сидели вдвоем под этим деревом, где нас никто не видел, – она засмеялась, – а когда твои бабушка с дедушкой уезжали в гости в соседнюю деревню, мы с ним встречались на террасе, говорили о жизни, болтали обо всем на свете, даже о звездах.

Неужто амма и впрямь бывала в этом доме? Нет, такое не укладывалось у меня в голове. Сама я о таком и мечтать не смела.

– Мне тогда едва исполнилось шестнадцать, а ему было уже двадцать, и он собирался поступить в колледж в Бомбее. – Она задумчиво посмотрела на небо. – Твой аппа так любил показывать мне разные звезды. Они создают в небе особые картины – так он говорил. Знаешь, умирая, мы превращаемся в звезды и с неба наблюдаем за теми, кто нам дорог.

В ту ночь я смотрела на небо. Я надеялась, что когда-нибудь мой отец покажет звезды и мне, как когда-то амме.

– Мне кажется, наша жизнь, она как небо. – Амма вздохнула, по-прежнему глядя вверх. – Однажды, Мукта, однажды ты согласишься на небо, а оно будет сплошь темным. И ты согласишься, что все тебя бросили. Что из темноты тебя никто не выведет. Так вот, поверь мне, пройдет время, и на небе вновь проглянут звезды, ты согласишься на них и согласишься вкус надежды. Я хочу, чтобы ты навсегда это запомнила. Хочу, чтобы ты надеялась и не отчаивалась.

Я кивнула и сказала, что запомню ее слова.

Вероятно, мы уснули – прямо там, под баньяном, – потому что, когда я проснулась, сквозь листву уже пробивались солнечные лучи. Музыка в усадьбе стихла, ворота были открыты, а привратники спали на обочине дороги. Рядом со мной крепко спала амма. Внезапно из дома вышел мужчина. Он неторопливо прошел мимо спящих охранников и направился к ожидающей его возле ворот машине.

Я медленно двинулась к усадьбе, не сводя глаз с мужчины, словно давно уже знала его. Лица его я разглядеть не могла, но, судя по движениям, по походке, по отутюженной одежде, мужчина был богатым и почитаемым. Помню, как ужасно я смущалась из-за моего собственного неопрятного вида: забираясь на дерево, я в клочья изорвала юбку, а волосы растрепались. Но затем я сделала

нечто, чего сама от себя не ожидала. Я побежала к мужчине. Не знаю, что на меня нашло, но я вдруг закричала:

– Аппа!

Мужчина обернулся. Солнце било ему в глаза, и он прищурился.

– Аппа! – снова закричала я, на этот раз громче, и остановилась в нескольких ярдах от него.

Мне по-прежнему не удавалось рассмотреть его лицо, солнце светило чересчур ярко, но я почувствовала, что он разглядывает меня, что он растерян и раздумывает, как ему поступить. Он шагнул ко мне, но потом развернулся, открыл дверцу машины, уселся на заднее сиденье, и машина тронулась с места. Я бежала следом, махала руками, кричала, умоляя остановиться, но машина оказалась быстрее. Скоро машина скрылась за углом, оставив лишь облако пыли.

Позже я призналась во всем маме, а та сказала, что этот мужчина – не мой отец. Мой отец – человек благородный, он никогда не уехал бы от нас вот так. Но теперь я и сама все понимала. Когда я бежала следом за машиной, мужчина быстро обернулся и взглянул на меня, будто бы жалея, что вынужден меня оставить. И, вдыхая поднятую колесами пыль, я поняла, что не нужна отцу, что он никогда не приедет и не заберет меня отсюда. Сакубаи была права – отца я не заслужила.

Глава 5

Тара

2004

– Мой отец до конца жизни разыскивал эту девочку. В свободное время он сотрудничал с вашей и другими подобными организациями – помогал найти детям семью, – рассказала я сотруднику благотворительной организации,

оказавшейся в списке. – Я хотела бы узнать больше об этой девочке. Ее имя Мукта. У вас должны сохраниться дела спасенных вами детей.

– Простите, но я работаю здесь недолго и поэтому не в курсе.

– Может, я тогда поговорю еще с кем-нибудь из ваших сотрудников?

Он озадаченно посмотрел на меня, но согласился:

– Да, наверное. Моего начальника зовут мистер Читале. Возможно, он что-то знает. Я его позову. – Мужчина встал и исчез за дверью.

Я успела выяснить, что в тот день, когда папа привел к нам домой Мукту, были зарегистрированы дела двух девочек с именем Мукта. Однако мне хватило одного взгляда на фотографии, чтобы понять: ни одна из них не была той Муктой, что пять лет прожила со мною под одной крышей. В базах данных некоторых организаций вообще не было девочек по имени Мукта, в других же мне заявляли, что не регистрируют вновь прибывших и что вести картотеку обязаны сиротские приюты.

– Меня зовут Читале. Чем могу вам помочь? – спросил мужчина с тростью. Он направился ко мне, прихрамывая.

– Я разыскиваю девушку по имени Мукта. Когда она была совсем маленькой, мой папа – его зовут Ашок Дешмух – спас ее. Я хотела бы узнать хоть что-нибудь о ее жизни, неважно что, главное, чтобы это помогло мне отыскать ее.

– Ашок Дешмух... – он нахмурился и поправил очки, – да-да, Ашок-сагиб. Он столько детей спас. Такого не забудешь. Как он поживает?

– Он... неплохо, спасибо, – солгала я. Расскажи я, что папа покончил с собой, это вызовет множество вопросов. – Он попросил меня отыскать Мукту, девочку, которую он привел к нам домой в 1988 году. И вот я ищу ее.

– Ясно, – кивнул он. – Но в те времена компьютеров у нас не было, мы вели бумажную картотеку. А пять лет назад здесь случилось нашествие термитов, которые уничтожили все сохранившиеся личные дела.

– Ох...

– Но перед этим мы успели занести все данные в компьютер. Давайте проверим – возможно, ее дело у нас тоже сохранилось. – Он снял очки и положил их на стол. – Как, вы сказали, ее зовут?

– Мукта.

Склонившись к монитору, он открыл несколько личных файлов.

– В нашей системе пять девочек с именем Мукта. Но все они были отправлены в сиротские приюты относительно недавно. В 1988 году у нас не было девочки с таким именем.

– А не могли какие-то данные потеряться, когда их переводили в электронный вид?

– Вряд ли. Организация у нас совсем маленькая, и многие работают здесь на добровольных началах, однако ошибок мы не допускаем. Сожалею, что не смог вам помочь. Ашок-сагиб был добрым человеком и хорошим другом. За все эти годы я и правда не встречал никого, кто помогал бы детям больше, чем он. Погодите-ка... вы сказали, что эта девочка, Мукта, была родом из той же деревни, что и ваш отец?

Я кивнула.

– Тогда почему бы вам не съездить туда? Не исключено, что вы выясните что-нибудь важное.

– Не могу, – ответила я. – Звучит странно, понимаю, но мне почему-то кажется... мне кажется, если я сунусь в эту деревню и там узнают, что я дочь Ашока Дешмуха, то они меня убьют.

– Хм. Да нет, ничего странного в этом нет, в своем стремлении творить добро он наверняка нажил немало врагов. Мне ли этого не знать! – Он вздохнул. – Я дам вам список спасенных им детей. Возможно, это хоть немного прояснит ситуацию.

Он застучал по клавиатуре и немного погодя протянул мне распечатанный список:

– Здесь все дети, которым он когда-либо помогал. Он попросил меня составить этот список, чтобы иметь возможность следить за судьбой пристроенных ребятишек и убедиться, что в приемных семьях им живется хорошо. Понимаете, программы усыновления несовершеннолетних, что поделаться... Людям хочется собственного ребенка. А такие дети – кому они нужны? Поэтому порой мы разрешали вашему отцу слегка отступить от правил и оставлять детей на какое-то время у себя дома, чтобы помочь им привыкнуть. Это было незаконно, но делалось с благими целями. Вот только эта девочка, Мукта... похоже, официально ее дело не зарегистрировано... Нигде не указано, что ваши родители удочерили ее. Следы некоторых детей бесследно теряются. Некоторых из тех, кого удалось спасти, ждет судьба прислуги. Мы стараемся избежать подобных случаев, однако нам всем известно, что иногда так происходит. Сожалею, что больше ничем не смогу помочь.

– Ничего, вы и так помогли, благодарю вас. – Я положила список в сумочку, даже не взглянув на него.

Мое расследование опять зашло в тупик. Когда я вышла на улицу, мне уже казалось, что, решив прилететь в Мумбаи ради поисков пропавшей одиннадцать лет назад подруги, я поступила вовсе не смело, а глупо. И возможно, к прежней жизни мне уже никогда не вернуться. В Лос-Анджелесе я работала официанткой в маленьком ресторанчике, и это в придачу к двум другим подработкам. Работа занимала все мое время, но денег едва хватало, а Брайан играл в своей группе. Здесь, в этом городе, у меня не было ни единого знакомого, кто мог бы мне помочь. Хотя, может, я просто не знала, с какого конца начинать поиски. Впрочем, из этой ситуации есть один простой выход – взять и уехать, вернуться в Лос-Анджелес, к жизни, которую мне удалось там устроить. Но я понимала, что для меня это не выход.

Я подумала о папе – о том, что бы он сказал, если бы узнал, что я так скоро решила отказаться от поисков. «Мы с тобой, Тара, ты и я – сильные люди. И мы выживем, несмотря ни на что». Я вспомнила его ясные глаза, в которых пряталась улыбка и взгляд которых всегда придавал мне храбрости. А потом вдруг осознала, что сам он взял и отступился, покончил с собой, бросив поиски Мукты, бросив меня. Папиным друзьям я сказала, что он умер от инфаркта. На самом же деле он повесился, но в этом я никому не признавалась. Произнести

это вслух казалось мне постыдным.

Следующие несколько дней я посвятила уборке: оттирала полы, снимала паутину с потолка, сметала пыль со столов и отмывала окна. Когда я распахнула окна в гостиной, на пол свалились несколько рамок с фотографиями. Большинство рамок оказались пустыми – снимки я забрала с собой в Америку. Уцелевшие фотографии были совсем старыми, черно-белыми, так что остальные цвета оставалось домысливать. На одной из фотографий были мы с ааи в день моего пятилетия. На другой трехлетняя я сидела на папином левом плече, а папа крепко сжимал мои руки. С дочкой на плече он выглядел таким гордым... Свадебный снимок моих родителей: ааи в зеленом сари светится от счастья, папа в белой куртке с золотой вышивкой. Свадьба у них была скромной, без суеты со стороны их родителей, без узоров хной на руках ааи, без украшений – ааи довольствовалась простенькой золотой цепочкой и браслетами, подаренными ей бабушкой. Не было у ааи ни замысловатой прически, ни дорогих заколок, ни жасминовых цветов, какими невесты обычно убирают волосы, – ее пучок украшал один-единственный цветок, такой же одинокий, как и она сама в тот день. На фотографии ааи и папа улыбаются, но мне всегда казалось, что в их глазах что-то прячется. Рассказывая о свадьбе, ааи была не в силах удержаться от слез: ни папины родители, ни ее собственные не одобряли их брак.

Я горячо желала познакомиться с бабушками и дедушками. Время от времени я недоумевала, почему никто из них не жаждет встретиться со мной, а в летние каникулы мучилась от тоски: ко всем моим друзьям приезжали бабушки и дедушки, и те сломя голову мчались домой поприветствовать их. Однажды я напрямую спросила у ааи, не оттого ли бабушка с дедушкой не желают меня видеть, что я совершила что-то предосудительное. Ааи ответила, что в этом виновата вовсе не я, а они с папой. Они сбежали из деревни и вступили в брак, не заручившись согласием родителей. Ааи вздохнула и сказала, что бремя их бегства не покидало их ни на секунду, куда бы они ни поехали, и что явись она в свою деревню, отец убьет ее.

– Именно так в моей деревне поступают с дочерьми, совершившими что-то недостойное. Тебе туда тоже ехать опасно. Окажешься там, и жизнь твоя будет под угрозой. – Она опять вздохнула и добавила: – Там только папу простили. Ему одному разрешается туда приезжать.

Больше я про бабушек и дедушек не спрашивала и не уговаривала родителей свозить меня в деревню.

Однажды я услышала, как ааи, по своему обыкновению смущаясь, рассказывает соседке:

- Впервые я увидела этого высокого благородного мужчину на деревенской площади - он объяснял собравшимся, почему мы не должны служить представителям высших каст. Люди ходили за ним толпой, словно за Богом.

Когда ааи рассказывала подругам про деревенских женщин, сраженных его отвагой и непреклонностью, никому и в голову не приходило усомниться в ее словах.

- А потом молочник принес мне письмо от него. Я глазам своим не поверила, когда поняла, что он приглашает меня встретиться на площади под баньяном. Если, конечно, я захочу...

Папа выбрал ааи - в этом сомнений не оставалось. Конечно, из-за своей стеснительности она не сразу согласилась на встречу и, лишь поддавшись настойчивым папиным уговорам, решила тайно встретиться с ним после заката, когда никто не мог их увидеть. Мои родители были из высшей касты брахманов из Ганипура, однако из-за некоторых нюансов в мамином гороскопе родители папы яростно воспротивились их союзу. Впрочем, папу это не остановило и он женился на ааи.

- Любовь ослепляет человека и мешает мыслить трезво, - говорила ааи.

Я всегда знала, что на такой смелый шаг ааи толкнуло папино обаяние. Чтобы воспротивиться воле родителей, моей тихой маме, считавшей главным предназначением женщины и жены исполнение мужней воли, потребовалось проявить немалую храбрость. Наверное, тем, кто знал о ее бегстве из дома, нелегко было в это поверить. Ааи рассказывала, что завершить учебу ей так и не удалось: ее родители хотели дать образование сыновьям, а ее забрали из школы после пятого класса, чтобы она помогала по дому.

– Но меня это ничуть не печалит, Тара. На что мне эта учеба? Мозги у меня не такие, как у твоего папы, – говорила мне ааи, – а настоящая женщина должна жить ради счастья своего мужа, быть хорошей женой и матерью, заботиться о семье. И тебе тоже пора этому научиться. В деревне даже шестилетние девочки знают, как готовить дал и сабжи[32 - Вегетарианское карри.]. Пора и тебе взяться за ум.

Именно ааи рассказала мне о жизни в деревне.

– Я была дочерью ростовщика, а твой папа, – в голосе ее звучало благоговение, – он был не похож на других. Он женился на мне, темнокожей девушке, и никогда не видел в этом ничего зазорного. И до сих пор не видит. Даже тогда, когда ему едва исполнилось восемнадцать, он отказывался принимать правила, установленные брахманами из высшей касты для деревенских жителей, которые принадлежали к низшей касте. Он бунтовал против заминдаров и говорил им в лицо, что они должны достойным образом обращаться с представителями низших каст. Заминдары пришли в ужас. Папины родители решили отправить его на учебу в Бомбей, чтобы померить его бунтарский пыл. – Она рассмеялась. – Они, видимо, считали, что учеба в Бомбее отобьет у него всякий интерес к деревенской жизни. Но твой папа – человек умный. Получив образование инженера, он вернулся в деревню и возбудил среди местных немалое волнение. Кто-то в деревне сказал, что папины речи подобны молнии, воспламеняющей человеческие души.

Я старательно запоминала такие рассказы ааи: в каждом из них папа представал героем, похожим на киноперсонажа из тех, что спасают детей и восстанавливают справедливость.

Однажды я спросила папу, зачем он так поступил, зачем взбунтовался против родителей и вызвал такое смятение среди односельчан. Он рассмеялся и ответил:

– Я тогда был совсем молод и не знал, как иначе донести до людей из высшей касты мысль, что представители низших каст тоже достойны уважения. – Папа посерьезнел. – Но вообще-то... я отдавал долг дорогому мне человеку. В детстве, когда мне было примерно столько же, сколько тебе сейчас, нас иногда навещал дядя Ракеш, мамин брат. Совсем в юном возрасте он пошел служить в авиацию. Дядя не знал страха и всегда был готов помочь. Узнав, что он придет в гости, я выбегал на улицу и часами торчал на веранде. Наконец к дому подъезжал

старенький дядин «амбассадор», дядя ужинал вместе с нами, а потом мы с ним сидели на этой вот веранде и он рассказывал мне всякие истории. Дядя часто вспоминал один случай. Его самолет потерпел крушение и упал в незнакомой деревне. Там поначалу решили, будто это Бог спустился к ним с небес, – папа усмехнулся, – и дотащили его до местной больницы. Дядя много дней не приходил в сознание и только после нескольких операций пошел на поправку. То, как деревенские жители обошлись с ним, совершенно чужим человеком, поразило его: они молились за него и помогли выжить. Для них не имело значения, откуда он и к какой касте принадлежит... Дядя называл это человечностью. Я восхищался его смелостью, а он гулял со мной по деревне и говорил, что все люди равны и что члены низших каст достойны лучшего обращения. Сначала я никак не мог понять, о чем он толкует. Но со временем я осознал, что у нас всех, независимо от касты или от религии, есть кое-что общее: каждого из нас жизнь заставляет страдать, каждый из нас стремится выжить и стать счастливым, и все мы заслуживаем достойного обращения. В конце концов, мы не выбираем, где нам родиться, но ничто не мешает нам достичь успеха благодаря усердному труду. И такой шанс должен выпасть каждому человеку на земле.

– А где сейчас дядя Ракеш? – спросила я.

Папа тяжело вздохнул:

– Он погиб под колесами автомобиля, пытаюсь спасти пешехода. Умер, стараясь помочь другому. Знаешь, Тара, я все время хотел вырасти таким, как он. Он, можно сказать, живет во мне. Но в молодости я со своими бунтарскими идеями едва не устроил в деревне революцию. Сейчас я полагаю, что донести до людей эти мысли можно более мирными способами. И тем не менее мне по-прежнему очень хочется, чтобы люди открыли глаза и осознали, что человечность намного важнее каст или даже религии. И что у каждого человека есть права, а обходиться с другими плохо – это грех.

Для папы это были не просто слова. Каждую благую мысль он старался воплотить в жизнь. Я помню, как папа привел к нам домой первого ребенка, подобранного на вокзале, восьмилетнего беспризорника Арама с обожженным лицом. Папа сказал, что ни одна пара не захотела не то что усыновлять Арама, но даже взять его к себе ненадолго.

– Пусть он поживет у нас несколько дней. Я найду ему дом, – уверял папа ааи.

– По-твоему, таким детям самое место в нашем доме? – мягко поинтересовалась ааи.

Папа посмотрел на нее, но промолчал.

В первую ночь, пока родители не проснулись и не утихомирили его, Арам перебил всю посуду на кухне. Во вторую ночь, раздобыв ножницы, он изрезал шторы и одежду, до которой сумел добраться. Наутро после этого ааи расплакалась прямо за столом и деликатно напомнила папе, что тот обещал подыскать Араму дом. Из-за случившегося ааи старалась оградить меня от общения с подобными детьми, попадавшими к нам в дом, и запрещала мне разговаривать с ними.

– Это плохая компания для тебя, – говорила она.

Видимо, чтобы преодолеть предрассудки жены, папа попросил ее обучать этих детей работе по дому – мол, в жизни пригодится. Судя по всему, ааи отнеслась к его просьбе со всей серьезностью, и с той поры все жившие у нас дети вполне сносно управлялись с домашними делами: мыли посуду, стирали одежду, натирали полы и бегали по разным поручениям. До появления Мукты ааи ни разу не пожаловалась папе и никогда не сетовала на то, что ей приходится присматривать за этими дурно воспитанными и озлобленными детьми. А потом в нашу жизнь пришла одинокая и потерянная Мукта – и ааи словно прорвало.

Я лишь сейчас понимаю, как страдала ааи из-за папиной добросердечности. Каждый раз, когда папа приводил в дом малолетнего бездомного сироту, ааи заботилась об этом чужом ребенке, безропотно кормила и обстирывала его. Были среди детей проказники, далеко не все рвались помогать ей по дому, а некоторые, злые на весь мир за то, что их бросили, даже открыто грубили. Наверное, у каждого есть своя точка кипения – вот и появление Мукты раскрыло темные стороны характера ааи. Когда в нашем доме поселилась Мукта, ааи часто говорила мне:

– Знай я, что мне уготовано такое, никогда не сбежала бы из деревни!

Сейчас, надраивая полы, я размышляла о воспитании моей ааи – девушки из высшей касты, привыкшей с пренебрежением смотреть на таких детей, и о

свободном от предрассудков папе, всегда готовом помочь. Несмотря на совершенно разные системы ценностей, ааи и папа очень любили друг друга. По крайней мере, мне нравилось так думать.

Расправившись с пылью в гостиной, я огляделась. В квартире еще оставались уголки, требовавшие уборки, но я решила отложить ее до следующего дня. Я сгрызла припасенные заранее батончики мюсли, рухнула на диван и, глядя, как клонится к закату солнце, принялась вспоминать лето 1988 года, когда в нашей жизни появилась Мукта.

Глава 6

Мукта

1988

Когда я смирилась с жизнью без отца, мне было почти десять лет. Амма тоже научилась уживаться с мыслью, что отец никогда не вернется. После случившегося возле усадьбы заминдара она больше не заговаривала о нем, и утрата надежды навсегда поселилась в ее глазах. Страдания обладают одним удивительным свойством – они проникают так глубоко, что порой вернуться к себе прежнему уже нельзя. Можно даже заболеть, да так, что больше не поправишься. Именно это и случилось с моей аммой. Начиналась тяжелая пора.

Амма серьезно заболела, но недуг, которому суждено было разрушить ее тело, только-только поселился в ней. Впрочем, тогда я об этом не подозревала. Я видела лишь, что днем она бродит унылая, а ночью ее мучают тяжелые думы. Видела, что под глазами у нее залегли темные тени, а когда-то пышущая здоровьем кожа побледнела. Мужчины давно забыли дорогу к нашим дверям, и домашние хлопоты почти полностью легли на мои плечи. Я варила дал и рис, таскала воду из колодца, прибиралась, стирала, мыла посуду. Теперь, когда амма мне не помогала, работа стала бесконечной.

Сакубаи первой заметила, что амма очень сильно похудела.

– Мужчины не желают платить за то, чтобы пообниматься со скелетом. Неудивительно, что они и носа сюда не кажут. Вот только кто теперь будет кормить семью? Я уже потратила все свои сбережения, даже любимые сережки пришлось на днях продать. Так больше нельзя... – сокрушалась она.

Ее сетованиям не было ни конца ни края – она жаловалась на маму, у которой теперь ни на что не хватало сил, и говорила, что это просто недопустимо. Сама мама отмалчивалась и лежала в постели, бледная и измученная, поэтому я встала на ее защиту. Впервые в жизни я осмелилась открыть рот и заявила Сакубаи, что мама – увядающий цветок, который уже много дней не видел ни капли надежды, и уж ей-то, Сакубаи, стоило бы понять это без моих разъяснений.

Сакубаи захихикала:

– Увядающий цветок? Ни капли надежды? Да ты никак поэтом заделалась? – Она рассмеялась и пошаркала к себе в комнату.

Однажды вечером мама с глухим стуком упала в обморок прямо на кухне, а я, закричав от ужаса, бросилась к ней и попыталась привести в чувство, однако она лежала как неживая, лишь слезы текли из-под сомкнутых век. Не зная, что предпринять, я начала, дрожа, вытирать ей слезы, пока мне в голову не пришло сбегать в деревню за вайдьей[33 - Врач, практикующий Аюрведу, традиционную индийскую медицину.].

Когда я подбежала к его дому, то увидела в окно, как жена лекаря что-то готовит, а над очагом поднимается дымок. Я решительно постучалась, но, увидев меня на пороге, вайдья лишь зевнул.

– Пожалуйста, быстрее! маме плохо! Она упала и глаза не открывает.

Он опять зевнул, неторопливо вернулся в гостиную и опустился на подушки.

– Пожалуйста, помогите! У вас же есть лекарства, которые ее вылечат, правда?

– Да, но сейчас я как раз собирался поужинать. Приходи попозже.

Его жена возле очага бросала на сковородку кусочки теста, дом наполнял аромат горячих роти, а шестеро забившихся в угол детишек с жадностью вгрызались в добычу.

– Я подожду, – сказала я.

Он пожал плечами:

– Да и после ужина я, может, к вам не сразу приду. Сперва вздремну.

Из-за занавески выглянула жена лекаря. От жары щеки у нее покраснелись, и в ее глазах я увидела жалость. Она тихо, почти шепотом сказала мужу, что перед ним ребенок.

– Закрой рот. Это шлюхи из низшей касты, чего ты взялась их защищать? – одернул он жену.

Женщина торопливо шлепнула на сковороду еще один комок теста. Больше она на меня не смотрела.

– Я пожалуюсь отцу, – сказала я.

Лекарь уже склонился было над тарелкой, но тут поднял голову и посмотрел на меня.

– Я пожалуюсь отцу и скажу, что вы не стали нам помогать, – повторила я.

– Да твой отец вообще не знает, что ты существуешь, – рассмеялся он.

– А вот и неправда. Мы с папой часто видимся. Просто он не велел об этом рассказывать, – соврала я.

Смех стих. Я сама не ведала, что творю, но моя хитрость сработала. Я и прежде видела, как при одном упоминании о моем отце наши деревенские жители

принимались таращить глаза и словно коченели – ведь папа был сыном заминдара. На этот раз я обратила власть, которую отец имел над ними, себе на пользу. Не раздумывая, я просто выпалила то, что первым пришло в голову. Лекарь тоже особо не размышлял: быстро отодвинув тарелку, он сунул мне в руки свою докторскую сумку, и мы отправились в путь. Мне хотелось идти побыстрее, но сказать об этом я не осмелилась, боясь, как бы он не передумал. Помню, что на лбу выступил пот, а сердце всю дорогу до дома колотилось как бешеное.

Уже возле дома я побежала вперед, не зная, чего ожидать. Однако амма сидела на кухне, прямо на полу, привалившись к стене, и пила воду из стакана, который держала перед ней Сакубаи. Я выпустила из рук лекарскую сумку, бросилась к амме и обняла ее. Переступив порог дома, в котором жили представители низшей касты, вайдья поморщился, но не сказал ни слова. Он присел возле аммы, проверил ей пульс, заглянул, оттянув веки, в глаза, а затем открыл сумку и вытащил оттуда зеленые и желтые травки.

– Смешайте с медом и молоком, и пускай принимает три раза в день, – сказал он, сунув их Сакубаи.

Через несколько дней амме стало лучше, она явно приободрилась, и я нарадоваться на нее не могла. Вот только Сакубаи постоянно бранила моюстряпню – то, мол, рис переварен, то дал пересолен или овощи получились чересчур острыми. А потом амме стало совсем худо. По ночам ее тело горело огнем, в бреду она принималась уверять меня, что тревожиться не стоит и что я непременно найду свою любовь. Почти каждую ночь я сидела возле нее, протирая ей лоб мокрой тряпкой, и надеялась, что лихорадка отступит. Днем было не лучше: изнуренная болезнью, амма не могла передвигаться самостоятельно и по нужде ходила, опираясь на мое плечо. Все мои попытки накормить ее она яростно отвергала.

Однажды вечером я сидела возле окна – поглядывала на лес и латала старую юбку, – а амма спала рядом со мной. Вдруг Сакубаи выскочила из своей комнаты и, громко крича, стала сыпать обвинениями:

– Твоя мать болеет, потому что ты не желаешь проходить посвящение! Не желаешь принимать нерушимый обет, которому следовали женщины нашего

рода! Это не что иное, как проклятие Богини.

– Мукта никогда не станет одной из нас, – едва слышно пробормотала амма, с трудом приоткрыв глаза.

Сакубаи прошаркала обратно к себе в комнату и пробурчала:

– Не понимаю, чего она добивается... Чем нам платить за еду, если она не зарабатывает? И надолго ли нам хватит сбережений?

Обдумывая слова Сакубаи, я вспомнила, что она оказалась права, когда заявляла, что мой отец никогда к нам не вернется. Возможно, сейчас она тоже права и амма действительно заболела из-за меня? Может, решение в моих руках? Да и в конце концов, что это за обряд посвящения? Что мне надо будет каждый день прибираться в храме? Готовить еду для жрецов? Ведь амма именно за этим и ходила в деревню. Я не видела никакой связи между обрядом посвящения и приходившими к амме мужчинами.

Однажды пасмурным утром я сидела на заднем дворе, раздумывала над словами Сакубаи и решила принять ту участь, что она для меня уготовила, – уж тогда-то Богиня наверняка исполнит мое желание и амма исцелится.

Я, как мне самой казалось, набралась достаточно храбрости, чтобы сообщить об этом амме, и направилась в спальню, сгорая от нетерпения побыстрее выложить все начистоту. Амма лежала на койке, глядя в окно. Она все время кашляла, ее глаза подернулись темноватой пленкой, а укрытое простыней тело казалось совсем тщедушным. От моей аммы в ней ничего не осталось. Нет, я не буду рассказывать. Лучше уж все скрыть.

Никогда раньше я не видела, чтобы Сакубаи так радовалась.

– Ты спасешь свою мать, и за это на небесах тебя ждут особые почести, – воскликнула она и впервые в жизни обняла меня.

После этого события развивались так быстро, что мне не верилось. Мне казалось, будто все происходит во сне. Из Бомбея явилась Мадам. Она шагала к нашему дому, и с ее волос на тропинку падали жасминовые цветы, а потом, когда она заговорила со мною, ее губы подрагивали от радости.

– Даже будь ты против, тебе все равно пришлось бы на это пойти. Никто не стал бы дожидаться, пока ты надумаешь. Ты рождена для этого. – И она погладила меня по голове.

Потом Сакубаи и Мадам несколько дней, сидя на полу, строили планы: составляли длинные списки вещей, которые нужно купить, жертв, которые следует принести, и обязанностей, которые предстоит выполнить. Однако в процессе обсуждения Мадам и Сакубаи проникались друг к другу глухой враждебностью. Мадам хотела провести обряд быстро и просто, без особой суеты, а Сакубаи, рьяно защищавшая традиции предков, настаивала на соблюдении старинных ритуалов.

– Какой смысл так разбрасываться деньгами? – возмутилась Мадам.

Сакубаи сердито посмотрела на нее:

– Если уж Мукта проходит обряд, то пусть все будет как положено. Сколько понадобится денег – столько и потратим. Даже если ты сейчас раскошелишься, то Мукта ведь все отработает и вернет, разве нет?

Мадам пожала плечами:

– Ладно, будь по-твоему. Но такой долг Мукта еще не скоро отработает.

Вскоре прибыл жрец – разодетый в шелковое белоснежное дхоти[34 - Традиционное мужское одеяние в виде полосы ткани, которую обертывают вокруг бедер, а затем один конец ткани пропускают между ног.], он явился и, скрестив ноги, уселся прямо на земляной пол у нас в доме. Мадам и Сакубаи сели напротив и пункт за пунктом принялись обсуждать церемонию. Наконец они добрались и до даты: обряд требовалось провести в такой день, чтобы он принес деревенским жителям великое счастье.

– Вот в этот день! – объявила Мадам и выплюнула паан[35 - Жевательная смесь из табака и листьев бетеля, легкий стимулирующий наркотик.] прямо на пол, где от него осталось бурое пятно. – В этот день она пройдет обряд посвящения!

Церемонию назначили на особенный день – день полнолуния, то есть спустя трое суток. Сакубаи сказала, что за нами приедет автобус, который и доставит нас в храм.

– А как же амма? – спросила я.

– А что с ней?

– Как мы довезем ее туда?

– Она никуда не поедет. Пока нас не будет, за ней присмотрит одна деревенская женщина из низшей касты. – И Сакубаи заковыляла к себе в комнату.

Мне не хотелось бросать амму, не сообщив ей, куда мы едем. И я сказала Сакубаи, что амму надо предупредить, иначе она встревожится. Однако та отвечала, что мой поступок должен исцелить ее, а когда мы вернемся, нас встретит прежняя амма, радостная и полная жизни. Я кивнула, и перед моими глазами тут же предстала амма – такая, какой она была до болезни. Я представила, как мы с ней вновь будем вместе хлопотать на кухне и проживем той жизнью, которой жили, пока не стряслась беда.

Наступил вторник – священный день поклонения богине Йелламме. Для нас этот день начался на рассвете. Мы с Сакубаи искупались в священном пруду неподалеку, после чего Сакубаи нарядила меня в сари – несколько раз обернув меня тканью, она положила один край сари мне на плечо, а второй обвязала вокруг талии.

– Запоминай. Отныне ты должна одеваться только так. Ходить в детской одежде тебе больше нельзя, – наставляла она.

Затем подвела мне глаза и наредила губы чем-то красным. Намазав мне лицо какой-то густой пастой, она поставила передо мною зеркало и одобрительно

взглянула на мое отражение. Увиденное заставило меня отшатнуться. Лицо в зеркале было чужим.

– Какая же ты красавица! – И Сакубаи легонько постучала кулаком себе по голове, чтобы не сглазить.

Я вышла на улицу, и несколько приехавших из соседней деревни девадаси захлопали в ладоши и воскликнули:

– Какая чудесная девочка!

Возле дома стояла повозка с необходимыми для обряда предметами. Мадам уже подошла к старшим девадаси и сообщила им, что перед обрядом девочкам желательно дойти до храма пешком, тем более что и идти тут всего метров пятьсот. Мы, босые, двинулись в путь. До этого момента мне и в голову не приходило, что в мире существуют другие девочки, подобные мне. Я огляделась, высматривая вокруг тех, кому тоже предстояло пройти обряд. Рядом со мной шагали еще пять девочек, трое из которых были явно помладше, лет восьми. Я даже засомневалась, что такие крохи вообще осознают, насколько важная задача ждет нас всех – пройти посвящение Богине и принять ее благословение. Какая же я была глупышка! Сейчас, вспоминая их невинные личики, я узнаю в них себя: я тоже не представляла, на какую жизнь себя обрекаю. Ни о чем не ведая, они следовали за своими матерями, как я шла за Сакубаи. Девочки повзрослее понимали, куда их ведут, и их лица блестели от слез, а сами они то и дело начинали дрожать. Старшие девадаси играли на танпуре и распевали песни, похожие на ту, что Сакубаи часто пела дома, вот только сегодня музыка меня не трогала и страхов моих не успокоила.

Храм стоял на холме, дорога поползла вверх, и Сакубаи стала ворчать, что не по возрасту ей карабкаться по горам. Мы гурьбой шли по узенькой улочке, по обеим сторонам которой тянулись дома, а люди глазели на нас – выглядывали из окон и выходили на крыльцо. Возле храма ютилось множество магазинчиков, и продавцы, стоя на пороге, зазывали прохожих, предлагая им сложенные аккуратными пирамидками кокосы, разноцветные браслеты и банановые листья. Вокруг храма бродили несколько торговков, которые тут же попытались продать нам длинные гирлянды желтых и оранжевых бархатцев.

– Мы прибыли, – возвестила одна из девадаси. Песни и шум тут же стихли.

Продавцы во все глаза смотрели на нас. Несколько девочек помладше попросили воды, но Мадам одернула их: перед обрядом положено поститься; мы действительно с утра ничего не ели и не пили. После слов Мадам малышки заплакали еще громче, и их потащили в храм. Остальные тоже поднялись по ступенькам и оказались перед Богиней. Я ведь и правда считала, что Богиня мне поможет и исцелит амму.

Я принялась – здесь пахло чистотой, водой и коровьими лепешками, а на полу пестрел орнамент ранголи[36 - Орнамент, который наносят на пол цветным порошком.]. После церемонии нас ждали сладости и фрукты, и в животе у меня радостно заурчало. В храм вошел обритуый налысо жрец с тремя белыми лентами на лбу. На его голой груди висели четки из рудракши[37 - Дословно «глаза Рудры», дерево с большими листьями, считающееся священным. Светлая, почти белая древесина очень крепкая, предметы, сделанные из нее, несут ритуальный смысл.]. Усевшись перед большим костром, он брызнул в огонь масла, отчего языки пламени взвились к потолку, а затем начал нараспев читать стихи, смысла которых никто, похоже, не понимал. Мадам заявила, что первой обряд пройду я, и попросила меня занять место перед костром напротив жреца. Четверо старших девадаси расселись по четырем углам, все они держали в руках по калаше[38 - Широкий сосуд, обычно медный, своего рода большая пиала на ножке.]. В каждом из сосудов лежали банановые листья, кокосы и листья бетельной пальмы. Остальные девадаси пели и играли на танпуре – так громко, что жреца я почти не слышала. Потом они обвязали все сосуды нитью и, читая вслух мантры, окружили нас. Помню, мне казалось, будто я сижу в плывущей по реке лодке, которая несет меня с одного края жизни на другой.

Кто-то подбросил вверх горсть куркумы, щедро осыпав нас пылью. Я услышала крики:

– Удхейо! Удхейо![39 - Форма приветствия.] Поднимись и поприветствуй Мать!

Я оглядела собравшихся, выискивая среди них амму, хотя и знала, что ее здесь нет. Как же мне ее не хватало! А потом жрец повязал мне на шею мутку[40 - Ожерелье, связывающее проститутку с храмом.], ожерелье, навсегда связавшее меня с храмом и Богиней.

– Хочешь ли ты посвятить твою внучку Богине? – спросил жрец Сакубаи.

- Да, - ни секунды не раздумывая, кивнула бабушка.

Затем жрец повернулся ко мне и, склонившись вперед, красной краской нанес мне на лоб тилаку[41 - Священный знак, который наносится на лоб.].

- Ни один мужчина не станет твоим мужем. Ты связана узами с божеством, и тебе разрешается утолить голод лишь после поклонения Богине. Постись два дня в неделю и угождай любому посетившему тебя мужчине. Если он ударит тебя, давать сдачи тебе запрещается.

Потом пришел черед остальных пяти девочек, часы сливались в единый круговорот из музыки и мантр. Когда все закончилось, ко мне подошла Сакубаи.

- Твоя мать будет гордиться тобой. Теперь ты - девадаси, как и все мы.

Ночью, возвращаясь с Мадам и Сакубаи домой, я попыталась влезть в автобус, но запуталась в сари, так что одна из девадаси просто приподняла меня и затащила внутрь. Я начала было тереть ожерелье, но Сакубаи легонько шлепнула меня по руке и сказала:

- Ты к нему привыкнешь.

Автобус медленно катил вниз по дороге, и Сакубаи протянула мне яблоко и конфету. Я с жадностью сгрызла их - больше я ничего в тот день не ела. Вскоре мы вылезли из автобуса и пересели в повозку.

От нетерпения я места себе не находила и все представляла, как амма с улыбкой стоит на крыльце и ждет меня, здоровая и счастливая. Я представляла, как брошусь ей на шею и повинюсь за то, что уехала, не предупредив ее. Я искренне верила, что Богиня все уладит, самой мне эти простые мечты и желания ни на миг не казались наивными. Я уже повернулась к Сакубаи - собиралась удостовериться, что мои ожидания оправданы и что все будет так, как мне мечтается, - как вдруг повозка повернула совсем не туда, куда надо. Мы направлялись не к нашему дому на окраине, а в соседнюю деревню. Я хотела было сказать об этом Сакубаи, однако она наградила меня таким взглядом, что я промолчала. Значит, так и задумано и Сакубаи знает, куда мы едем, догадалась

я.

Я вглядывалась в темноту и вскоре поняла, что эта деревня ничуть не похожа на нашу. Мы подъехали к воротам богатого особняка, где стоявшие у забора привратники остановили нашу повозку и спросили, как нас зовут. Услышав наши имена, они тотчас же распахнули ворота, словно перед долгожданными гостями. Двор был залит желтым светом фонарей, цветы в саду слегка покачивались от легкого ветерка, а пруд посреди сада подернулся рябью. Мы поднялись по каменным ступеням и оказались перед железной дверью, где нас уже дожидался слуга. Эта усадьба была даже больше, чем дом заминдара у нас в деревне. Слуга попросил нас троих подождать в гостиной. Где-то высоко над головой переливалась и сверкала огнями люстра, на стенах висели фотографии, с каждой на нас смотрел холеный раджа со своей женой, а потолок, как мне показалось, был вровень с небесами.

Сакубаи наказала мне вести себя в доме заминдара с достоинством. Как только заминдар войдет, наставляла она, сложи ладони и поприветствуй его, скажи «намаскар».

Мы сидели на корточках на кафельном полу и ждали.

Спустя некоторое время одна из дверей распахнулась и на пороге появился толстый приземистый мужчина, который торжественно, прямо как беременная, нес свой живот. Он махнул рукой Мадам, они вдвоем вышли из залы и зашептались. Голос заминдара звучал непреклонно, Мадам же, похоже, слегка нервничала, но, даже несмотря на это, торговалась просто мастерски. Она просила все больше, а заминдар настаивал на той же цене, что предложил сразу. Впрочем, в тот вечер из их разговора я мало что поняла.

– Я же вам девственницу привезла, – сказала Мадам.

– Она не одна такая...

– Но я прошу совсем немного!

Я попыталась отвлечься, но мысли мои занимала лишь амма. Повернувшись к Сакубаи, я прошептала, что амма наверняка нас уже ждалась.

- Тс-с! - Она сердито посмотрела на меня.

Мадам позвала Сакубаи, и они вдвоем отошли в угол.

- Не знаю... Может, надо подождать, когда она подрастет? - Голос Сакубаи звучал растерянно.

- Сакубаи, если тебе так важны ритуалы, то нам придется ждать еще года два-три. Тебе что, деньги не нужны?

Сакубаи глубоко вздохнула и кивнула, после чего вернулась ко мне и отвела меня в другую комнату.

- Жди здесь, я скоро вернусь, - сказала она.

Мне не хотелось оставаться одной, и я вцепилась в руку Сакубаи, стараясь удержать ее, но бабушка разжала мои пальцы и вышла. Комната была просторной, а в углу возвышалась громоздкая старинная кровать с инкрустированным золотом изголовьем. Присев на кровать, я посмотрела на стоявшие рядом комод и стол, на столе покачивалось зеркало. В сердце закрался страх, и я уже было решила улизнуть, как дверь открылась и в комнату вошел тот низенький мужчина, что беседовал с Мадам. Прикрыв за собой дверь, он остановился и оглядел меня, после чего закурил и, выпуская колечки дыма, двинулся ко мне. Несмотря на страх, я вспомнила наставления Сакубаи, сложила ладони и кивнула, пробормотав:

- Намаскар.

Услышал ли он меня, не знаю, потому что улыбки на его лице так и не появилось.

Он ухватил меня за подбородок, и его сонные глаза принялись буравить мое лицо. А потом он сказал, что обязан это сделать, чтобы Богиня благословила его семью.

Не говоря больше ни слова, он расстегнул рубашку и пояс и, бросая одежду на стул, стал раздеваться. Я забралась под кровать, тщетно стараясь сдержать рыдания. Вскоре он засунул под кровать свои грубые волосатые руки, вытащил

меня и швырнул на кровать.

- Слушай, не реви. Тебе только хуже будет, - сказал он.

Я кричала и звала Сакубаи, однако он зажал мне рот ладонью. Сперва я захныкала, но потом затихла, а он, решив, что вырваться я больше не буду, ослабил хватку и вновь сказал, что вынужден так поступить. Повинуясь инстинкту, я метнулась в угол и укрылась под столом, на котором стояло зеркало, умоляя заминдара отпустить меня.

- Меня амма ждет! - повторяла я.

Но он, похоже, меня не слышал. Схватив меня за руку, он рассмеялся:

- Ничего, привыкнешь.

Я попыталась разжать его пальцы, но он с силой потянул меня к себе, обдав запахом чеснока и перегара. Стол покачнулся, следом зашаталось и зеркало, а затем оно упало на пол и разлетелось на миллион осколков, из которых на меня смотрело мое отражение.

Глава 7

Мукта

1988

Я не знала, долго ли плакала, не помнила, долго ли у меня болело там, внизу, и когда эта боль утихнет, я тоже не представляла. Сейчас же я помню лишь, что лицо мое намокло от слез. Я думала, будто случившееся - наказание за то, что я утаила все от аммы.

- Ну будет тебе, - проговорил мужчина, - в первый раз все девочки плачут. - Он надел рубашку и затянул ремень.

Я лежала на кровати, глядя на потолок, такой же голый, как моя кожа. Даже когда мужчина открыл окна и в комнату заглянуло солнце, тепло его лучей не тронуло меня. Мужчина вышел, за дверью его ждала Мадам. Едва заминдар переступил порог, она протянула руку, и он сунул ей несколько банкнот. Она спрятала их и махнула рукой, подзывая Сакубаи. Войдя в комнату, та накрыла меня белой простыней, по которой тут же расплылось кровавое пятно.

– Пойдем, милая моя, – проговорила она несвойственным ей ласковым тоном, – мы все через это прошли. – Она завернула меня в сари. – Сможешь идти?

Я кивнула, и мы медленно двинулись к двери. Кажется, я не знала, что со мной происходит, я словно покинула собственное тело и теперь откуда-то извне наблюдала за его движениями.

Сакубаи посадила меня в повозку, и мы отправились домой. Я больше не обращала внимания на знакомые дома и не слышала шелеста листвы. Впоследствии я решила, что во время той поездки детство покинуло меня. Мне запомнилось лишь, как телегу затрясло и я проснулась, но потом, видно, снова заснула, потому что в следующий раз меня разбудил чей-то удивительно знакомый голос.

Когда мы въехали на деревенскую площадь, небо заволкло темными тучами. Деревенские жители столпились перед храмом – они глазели на женщину, осыпавшую их проклятьями.

– Мы заживо гнием, а виноваты в этом те из вас, кто принадлежит к высшим кастам! Все вы прикрываетесь ее именем – говорите, что это, мол, богиня Йелламма вас заставляет. Вы и мою дочь погубили!

Амма – это была она. Она стояла перед толпой, ее руки дрожали от слабости, а усталое лицо исказила страдальческая гримаса. Я рванулась было к ней, но Сакубаи остановила меня. Судя по всему, селян такие речи сильно разгневали.

– Кто разрешил тебе так с нами разговаривать? Ты оскорбляешь традиции. Богиня накажет всю нашу деревню! – крикнул кто-то.

По небу прокатились раскаты грома, засверкали молнии. Амма осыпала собравшихся ругательствами, каких я не слышала от нее никогда в жизни. Я видела, как толпу, подобно лесному пожару, охватывала злоба, слышала сердитые голоса, разжигающие гнев зевак.

– Шлюха... какое право ты имеешь оскорблять нас? Богине нельзя перечить...

Один из них поднял руку, и на спину аммы опустилась латхи. В следующую секунду амма уже лежала на земле. Собравшиеся стояли ко мне спиной, я видела лишь их руки, сжимающие латхи, – они поднимались и с глухим стуком опускались. Наверное, я все-таки вырвалась, потому что помню, как расталкивала толпу, пробираясь вперед, и как я увидела ее, лежащую в луже крови. Я подошла и легла рядом. Она посмотрела на меня и, преодолевая боль, улыбнулась и сжала мою руку. С неба закапало. Роняя на наши лица капли дождя, небо оплакивало нас. В эту минуту я поняла, что потеряла амму, что дождь пришел, чтобы забрать ее у меня. Навсегда. Дождь превратился в ливень, стирающий все вокруг. Помню, я смотрела, как дождевая вода мешается с кровью и превращается в красноватый поток. Мои глаза закрылись, и меня окутала тьма.

Открыв глаза, я увидела вентилятор на потолке и желтые светильники на стенах. Я была в деревне, но в чьем-то чужом доме. Тело, покрытое кровоподтеками, пронзала невыносимая боль. Надо мной склонился какой-то старик с кустистыми бровями и маленькими глазками. Озабоченно нахмурившись, он вгляделся в мое лицо, а потом погладил по голове. Его руки, которые жизнь испещрила сеточкой морщин, дрожали.

– Прими вот это лекарство. – Я никак не могла взять в толк, чего он хочет, и ему пришлось повторить это дважды.

Я попыталась соединить обрывки воспоминаний. Вот амма, она лежит на земле в луже крови. Дождь. Я хотела заговорить, рассказать этому старику, что человека, которого я любила больше всех на свете, теперь уже нет, но старик прижал к губам палец:

– Тсс... тсс. Молчи. Я доктор, а докторов надо слушаться.

Я вновь заснула, а когда проснулась, утренние птицы уже разлетелись по гнездам и наступила ночь. За дверью кто-то несколько раз назвал мое имя. Сперва голос звучал где-то далеко, он эхом отскакивал от стен, добираясь до комнаты, где я лежала. Потом послышались шаги и какая-то женщина спокойно и по-матерински заботливо проговорила:

- Ты же сотрудничаешь с той организацией в Бомбее и помогаешь детям. Помоги и ей. Она ребенок. Если ты бросишь ее здесь, то сам знаешь, что ее ждет. Она будет жить, как все эти женщины. Забери ее, умоляю.

Мне представилась пожилая седовласая женщина.

- Но, ааи, куда же мне ее забрать? - пророкотал в ответ мужчина. - В Бомбее я работаю с беспризорниками и сиротами, а у нее есть бабушка. Не могу же я отнять ее у бабушки...

- Послушай, бабушка только испортит ей жизнь. Полицейские собираются арестовать тех, кто убил ее мать и поступил так с девочкой. Но ты и сам знаешь, чем это закончится. В тюрьму они никого не посадят. Деньги здесь решают все проблемы. Так какова же судьба этой девочки? Ты мой сын, и я рассчитываю на твою помощь. Если ты не увезешь ее, помощи ей ждать неоткуда. - Женский голос звучал мягко, но настойчиво.

Мужчина покорно вздохнул.

Шаги стали громче. В комнату кто-то вошел. Пожилая женщина присела ко мне на кровать, заправила мне за ухо выбившуюся прядь волос и ласково улыбнулась.

Я хотела спросить, куда подевалась Сакубаи и почему она не пришла ко мне. Я бы тогда закричала на нее - спросила бы, почему она не спасла амму. Но слова не складывались. Вместо этого я вспомнила вдруг, как амма умирала. Как ее дыхание становилось все слабее и слабее, как она закрыла глаза - медленно, будто не желая уходить. Не желая покидать меня. Она крепко сжимала мою руку, а лицо ее превратилось в одну сплошную кровоточащую рану. Но глаза ее я помнила. И я навсегда запомню страх, который увидела в ее взгляде, страх, что моя жизнь сложится так же, как и ее.

– Ну ладно тебе, перестань. Не бойся. Они тебя не тронут, и бабушка твоя тоже будет держаться подальше. – Женщина вытерла мне слезы.

Она с надеждой взглянула на мужчину, ожидая, видно, что тот скажет что-нибудь, но он лишь беспомощно посмотрел на меня, покачал головой и снова вздохнул.

– Милая моя, ты поедешь вместе с этим сагибом в Бомбей и станешь там жить вместе с его семьей. Во всем его слушайся. Поняла, милая? – спросила она.

Я кивнула.

Перед отъездом я издали увидела погребальный костер аммы. Языки пламени взмывали прямо в небо, а тело аммы лежало на бревнах. Удивительно – неужели живое когда-то тело и правда превратится в дым, неужели от улыбающегося лица останется только пепел? Жрец прочел мантру, слова которой растворялись в пустоте и улетали вместе с пламенем. Возле костра не было ни души, даже Сакубаи не явилась. Никто не пел поминальных песен и не пришел попрощаться с аммой. Никто, кроме нас с сагибом. Он заплатил жрецу, а потом, когда жрец покинул нас, стоял поодаль и смотрел на огонь. Дождавшись, когда пламя погасло, сагиб отвернулся и зашагал прочь, оставляя позади обугленные останки. Я двинулась следом. В тот момент сагиб и признался, что заплатил Сакубаи и попросил ее оставить меня в покое.

– Так будет лучше, – улыбнулся он.

Моя жизнь круто изменилась, однако первые дни я жила словно в тумане, все вокруг утратило смысл. Я никогда не задавалась вопросом, почему все это случилось именно со мной. У меня не хватало сил даже оплакивать смерть самого близкого мне человека. Я чувствовала себя пустым ведром, брошенным в море и плывущим туда, куда толкают его волны. Как мы добрались из нашей деревни до бомбейского поезда, я не помню. Может, на телеге, а может, на автобусе до станции. От нашей поездки на поезде у меня остались лишь обрывки воспоминаний: вот бегут вдоль поезда лоточники, предлагая пассажирам самосы, чай и холодные напитки, вот ветер обдувает мое лицо, а вот сагиб – его лица я почти не помню, – он угощает меня печеньем и, поправив

очки, утыкается в книгу.

Все это произошло в 1988 году, и с тех пор жизнь моя стала меняться. Поезд приехал на бомбейский вокзал и остановился, а я выглянула в окно. Амма столько рассказывала про этот город. Здесь живет мой отец. Мы с сагибом подошли к дверям, но другие пассажиры тоже устремились к выходу и оттеснили нас. Меня это встревожило – толпа на платформе, и столько людей вокруг, некоторые из них спешили на поезд, другие нетерпеливо дожидались следующего поезда. Мне казалось, что все они знали, что произошло со мной в ту ночь в доме заминдара, что они примутся с осуждением качать головой и плевать. Я представляла их взгляды и сгорала от стыда. Прячась за спиной сагиба, я опустила глаза и уткнулась в узел с одеждой. Однако когда решилась все же поднять голову, то осознала, что прохожим нет до меня никакого дела.

Сагиб приподнял меня и усадил на заднее сиденье такси, и тело мое вдруг наполнила ужасающая пустота, тут же сменившаяся паникой: за окном замелькал город – гудели автобусы, ревели машины, попрошайки стучались в стекло. От этого мельтешения мне хотелось закричать, выплеснуть ужас, но я заставила себя сидеть тихо. Такси остановилось перед огромным домом, и привратник бросился открывать нам ворота. Я едва дышала, так что сагиб взял меня за руку и почти втопил в двери, в мир, где моя жизнь изменилась навсегда.

Глава 8

Тара

2004

Тем утром в полиции инспектор Правин Годболе сказал мне, что Мукту продали в услужение в состоятельную семью и что с тех пор она живет у них в рабстве. Я представила, как Мукта, съезжившись, сидит в углу, вздрагивая от прикосновений и надеясь, что кто-нибудь спасет ее.

– Это она, – с уверенностью заявил он, – у нее зеленые глаза, как у девочки на вашей фотографии. К нам обратились из благотворительной организации и попросили провести обыск в этой квартире и спасти девушку. Мне сказали, что ее зовут Мукта, а семья эта жила на той же улице, где находится ваша квартира. Какой, напомните, у вас адрес? – Он открыл папку и прочитал вслух: – «Жилищный кооператив Виджайя». Ну да, вот он.

– Вы уверены? – спросила я.

– Разумеется, – ответил он. – Там уже наши люди.

Меня же не оставляли сомнения. Неужели отыскать человека спустя одиннадцать лет действительно так легко? «Может, мне просто повезло?» – говорила я себе.

Я ехала в полицейском джипе в район, где никогда прежде не бывала. Джип мчался по узким переулкам, резко поворачивал, лишь чудом не сбивая пешеходов, едва успевающих отскочить в сторону. Когда мы наконец доехали, меня почти укачало.

– Это здесь. – Инспектор Годболе махнул водителю рукой, джип пристроился за другой машиной и остановился на небольшой парковке перед жилым комплексом.

Позади засигналил огромный грузовик. Инспектор открыл дверцу и вышел из машины.

– Ждите здесь, – сказал он мне, словно обращаясь к ребенку.

Глядя, как он бежит вверх по ступенькам, я захотела выскочить и рвануться следом за ним – добежать до квартиры, постучаться и позвать Мукту. Она узнает меня, я обниму ее, увезу домой и расскажу, как сожалею обо всем, что произошло. Во мне жила надежда.

Сверху слышались крики и плач. Полицейские вывели из квартиры мужчину в наручниках и потащили его к джипу.

– Я ей ничего не сделал! – повторял арестованный. Одеться он не успел, так что ничего, кроме нижнего белья, на нем не было.

Следующей инспектор Годболе вытолкнул из квартиры девушку. Спускаясь по лестнице, она дрожала и ежилась. На лбу у нее зияла глубокая рана, под глазом виднелся синяк, а на правой щеке алел кровоподтек.

– Мукта?! – закричала я.

Девушка на секунду задержала на мне взгляд, но тут же отвела глаза. Она была зеленоглазой. Я пошла к ней навстречу.

– Мукта? – повторила я и взяла ее за руку. Она вырвала руку.

– Я не Мукта. И не лезь не в свое дело, – прошипела она и залезла в полицейскую машину. Девушка была совсем молодой, почти подростком. Это была не Мукта.

– Она сказала, что ее зовут не Мукта.

Инспектор пожал плечами, словно и так уже знал об этом.

– И ей всего лет восемнадцать. А Мукте, когда ее похитили, было пятнадцать. Значит, сейчас ей двадцать шесть. Я же говорила... Я, наверное, как-то неясно выразилась...

– Мадам, послушайте... Даже одну девушку спасти нелегко. Вы же видели, какую работу нам пришлось проделать сегодня. И таких случаев много. Вы приехали из Америки и, возможно, не понимаете, что тем, кто согласится искать эту девушку... как уж там ее зовут... Мукту... полагается вознаграждение.

Он выжидающе посмотрел на меня и кашлянул. Другие полицейские терпеливо ждали в машине.

– Так что скажете, мадам? – Его глаза алчно заблестели.

Я глубоко вздохнула. Значит, все, что произошло сегодня утром, было проделано только ради того, чтобы заставить меня раскошелиться. А девушка в джипе?

Если бы не мои поиски, ее вообще вряд ли спасли бы. А может, они просто-напросто все подстроили? Заплатили этой девушке и разыграли спектакль, чтобы я согласилась на взятку. Можно отказаться и не платить ему, и тогда мне никогда не отыскать Мукту. Нет, так не пойдет. Со вздохом положив в конверт несколько тысячных купюр, я протянула его инспектору.

- Постарайтесь помочь мне.

- Хорошо. - Он кивнул и пошел к машине.

Я поймала такси. Оглянувшись, я увидела, что девушка по-прежнему смотрит на меня, и вспомнила себя восьмилетнюю, когда в нашей жизни появилась та зеленоглазая девочка.

Все эти годы я нередко вспоминала тот день, когда впервые увидела Мукту. Это произошло в 1988-м, в том году мне исполнилось восемь. Солнце едва начало клониться к закату. Было воскресенье, и мы ждали папу, уехавшего на выходные в свою родную деревню. Мы с соседскими мальчишками играли в крикет, но игра меня не занимала - я то и дело поглядывала на ворота, надеясь первой увидеть папу.

Он часто ездил в заграничные командировки и привозил мне подарки, которыми я очень дорожила, но вовсе не оттого что их привезли из дальних стран, а потому что подарил их мне мой папа. Работа и заботы не мешали ему думать обо мне, и для меня это значило немало. Может статься, папе казалось, что предвкушение подарка немного разбавит горечь моей тоски, но даже подарки не утешали меня. Когда папа уезжал, я каждый день просыпалась с единственным желанием - увидеть его лицо, забраться к нему на колени и послушать, как он вслух читает мне стихи. На этот раз он поехал в деревню навестить родителей и обещал, по своему обыкновению, вернуться с подарком.

Увидев, как привратник открывает ворота, я забыла об игре и со всех ног бросилась к папе. Девочку у него за спиной я не заметила.

Папа взял меня на руки и чмокнул в лоб.

– Что ты привез мне из деревни? – спросила я.

– Сегодня ничего, Тара.

Голос его звучал устало. Он даже не пообещал привезти мне что-нибудь в следующий раз и за то, что вернулся с пустыми руками, тоже не извинился. Мысли его были заняты чем-то другим, а меж бровей пролегла морщинка. Хотя на меня это было и непохоже, донимать его расспросами я не стала и допытываться, почему он без подарка, – тоже. Вместо этого я обняла его за шею, и он понес меня домой. Именно в этот момент я и заметила щупленькую девочку с узелком в руках и серьезным личиком. В тот вечер она стала частью нашей жизни... Помню, как лучи заходящего солнца золотили ее фигурку, как болтались из стороны в сторону ее тоненькие косички с красными ленточками и как переливались бриллиантовым блеском ее зеленые глаза. Она беспомощно посмотрела на меня и отвела взгляд.

Кумушки, что присматривали за игравшими на площадке детьми, зашушукались. Медленно переставляя ноги, девочка поднялась следом за нами по лестнице. И вот она уже стоит посреди нашей гостиной.

– Кто это? – Ааи вышла из кухни и с ног до головы оглядела девочку. Та отступила, а на глаза у нее навернулись слезы.

– Она поживет у нас какое-то время, ладно? – сказал папа. – А потом я пристрою ее в приют.

– Как тебя зовут? – спросила ааи девочку.

Но девочка, едва сдерживая слезы, лишь смотрела вниз, себе под ноги. Ааи задала ей еще несколько вопросов, но девочка молчала, только иногда кивая или качая головой. Мне показалось, что она шевелит губами, но я ни звука не услышала.

– Она вообще говорить не умеет? Она что, немая? – спросила ааи папу. – Как ее зовут?

- Ее зовут Мукта. Она просто не привыкла к городу. Ничего, пусть привыкает. - Папа уселся на диван и развернул газету.

- Надеюсь, она недолго будет привыкать. - Ааи вздохнула и пробормотала еще что-то, подталкивая девочку в сторону кухни.

- Давай поселим ее в кладовой? Ты же на прошлых выходных там прибралась? Пусть у нее будет своя комната.

- Ты что, серьезно? - удивилась ааи.

- Ну да. Собственная комната - это здорово!

- Поселить ее в кладовой? - переспросила ааи.

Папа кивнул, и ааи опять вздохнула, на этот раз громче.

- Можешь жить вот тут, - сказала она девочке.

Вот так Мукта и поселилась в нашей маленькой квартире, в крохотной каморке.

Наша квартира была не так просторна, как другие в этом комплексе. Помимо гостиной и кухни там еще было две спальни, одна из которых принадлежала моим родителям, а другая, рядом с кладовкой, - мне. Поначалу если у нас с новой девочкой и было что-то общее, то это стена между нашими комнатами. Я слышала, как по ночам она плачет, ее рыдания то стихали, то становились громче. Время от времени я вылезала из постели и подходила к двери кладовой, но так и не решилась постучаться и предложить помощь. Вместо этого я сказала папе, что по ночам девочка плачет. Он потрепал меня по щеке.

- Ничего, не волнуйся. Тут все новое, и ей не по себе. Не страшно, она привыкнет.

Помочь я ничем не могла, но подумала, что, возможно, девочка плачет, потому что ей не нравится ее новая комната - тесная, темная и мрачная, с облупленной краской на стенах, мне она казалась пещерой какого-то чудовища. Если память мне не изменяет, то солнца в этой комнате почти не бывало, хотя по ночам луна

изредка заглядывала туда.

Шли дни, мы мало-помалу привыкали, ее приглушенные рыдания и сдавленные всхлипы постепенно слились с другими повседневными звуками – шумом машин, стрекотанием сверчков и далеким собачьим лаем. Девочка еще долго ни слова не говорила, и соседи, окликая ее, бормотали под нос что-то странное.

Возможно, наша собственная жизнь – тихая и уютная – мешала нам разглядеть печаль в ее глазах.

Ааи сделала попытку обучить девочку некоторым домашним премудростям – готовить еду и мыть посуду, подметать и мыть полы, стирать одежду и развешивать ее, – но девочка оказалась неуклюжей, все валялось у нее из рук. От малейшего стука она вздрагивала, а стоило ааи слегка пожурить ее, как на глазах у нее выступали слезы. Вскоре ее беззвучные ночные рыдания сменились воплями. Помню, как-то раз в родительской спальне зажегся свет, после чего кто-то прошагал мимо моей комнаты в кладовку. Вскочив с кровати, я бросилась следом и увидела, что Мукта скрючилась на полу, а папа брызжет ей в лицо водой. Когда кошмары отступили и Мукта проснулась, она забилась в угол, лихорадочно оглядываясь вокруг, словно искала что-то.

В одну из таких ночей нас поднял с постелей стук в дверь. На улице дул ветер, и, когда папа отворил дверь, нас обдало холодом. Выглянув из-за папиной спины, я увидела рассерженных соседей. Один из них, лысый мужчина с редкими кустиками волос на плешивой голове и заспанными глазками, сказал – впрочем, довольно вежливо, – что своими криками и стонами девочка накликает на наш дом зло.

– И вообще, – добавил он, – она же немая. Как тогда ей удастся кричать?

Стоявшая рядом с ним женщина перекрестилась и предположила, что девочка одержима дьяволом. На это папа рассмеялся и ответил, что дьявола не существует, а если даже кто-то рыдает и стонет, то ничего страшного в этом нет. Сперва все они разговаривали с папой почтительно, вполголоса, но затем один из соседей вдруг громко выпалил:

– Сделайте с ней что-нибудь. Сколько можно будить нас посреди ночи?

Это придало храбрости всем остальным.

- Нам завтра с утра на работу!

- Точно. Она же не в себе, ее лечить надо. С таким ребенком нам покоя не будет.

- Сводите ее к целителю, что сидит возле храма, – посоветовала одна из женщин, – я слыхала, ему достаточно дотронуться до человека – и все недуги как рукой снимет.

- Я не собираюсь таскать ее по всяким шарлатанам, – твердо ответил папа. – Просто ей здесь не по себе – и в городе, и в этом доме. Но она привыкнет.

На минуту собравшиеся умолкли, но потом кто-то снова заворчал, и все опять раскипятились. Из своей квартиры вышел разбуженный дядя Анупам.

- Что случилось? – спросил он, протирая глаза. Кто-то из соседей шепнул ему, дядя Анупам похлопал того по плечу и ответил: – Ладно, приятель, разберемся. А сейчас спать пора. – Он взмахнул рукой, и соседи начали разбредаться по квартирам.

Когда все разошлись, папа с дядей Анупамом еще долго стояли на балконе и обсуждали случившееся.

- Может, и правда сводить ее к доктору, – вздохнул папа.

Обращался ли папа в больницу – не знаю, но я не видела, чтобы он повел Мукту к врачу.

- Эта девочка не нашего круга, – напоминала мне ааи каждый вечер, укладывая меня спать, – твой папа вбил себе в голову всякие странные идеи о равенстве, но в обществе все по-другому. И нам не следует забывать о своем месте.

В то время я всегда выполняла папины просьбы. Каждый раз, приводя домой бездомного ребенка, папа отводил меня в сторону и говорил:

– Будь с ним доброй. Перед Господом все мы равны.

То же самое он сказал, когда у нас поселилась Мукта.

Ааи появление Мукты встревожило, а во мне девочка пробудила немалое любопытство. Мне ужасно хотелось расспросить ее о моих бабушке и дедушке, ведь родом-то она была из той же деревни, что и папа. Как-то среди дня я вошла на залитую солнцем кухню, где Мукта нарезала овощи. Я подошла к ней, обдумывая, как правильнее задать вопрос, и остановилась возле раковины, выжидая, когда Мукта поднимет голову и посмотрит на меня. Не дождавшись, я спросила:

– А в твоей родной деревне хорошо было? Ты не скучаешь?

Она действительно подняла голову и посмотрела на меня, но так, словно мои слова причиняли ей боль, а затем продолжила резать овощи. Лишь царапанье ножа о деревянную доску нарушало тишину между нами.

– Я просто хотела узнать про деревню, только и всего. Но если тебе не хочется рассказывать... – Не договорив, я пожала плечами. Предложение повисло в воздухе, как и моя обида. Я направилась к двери, но подумала, что папа наверняка захотел бы, чтобы я поступила иначе. Поэтому я повернулась и сказала: – Мы с Навином и другими мальчишками пойдем на площадку. Если захочешь, приходи с нами играть.

Она изумленно взглянула на меня. Я ожидала увидеть на ее лице улыбку, но зря, и решила, что Господь, отправляя Мукту в этот мир, не научил ее улыбаться.

Глава 9

Мукта

1988

В деревне неподалеку от нашего дома рос священный баньян. Под ним амма молилась – обходя вокруг, она обвязывала толстый ствол ниткой в надежде, что ее мечты сбудутся. Я смотрела, как нитка обвивается вокруг дерева. Сухие листья опадали, а позже ветер уносил их прочь. Я часто представляла, каково это – быть листком. Как ветер против твоей воли отрывает тебя от родного дерева и несет к чужому порогу, но куда – ты сам не знаешь. Вот и я сейчас в огромном городе, среди чужих людей, далеко от моего единственного дома. Вы, наверное, спросите, почему я не сбежала, почему я покорно летела туда, куда нес меня ветер. Но бежать мне было просто некуда. Говоря по правде, такая идея мне и в голову не приходила. Первые дни в Бомбее я прожила словно в тумане.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Мать (маратхи). – Здесь и далее примеч. перев.

2

Блюдо из риса.

3

Пряное карри с чечевицей.

4

Сладкие клецки из творога.

5

Сироп со льдом, который продают в Мумбаи уличные торговцы.

6

Сладкий чай с молоком и специями (кардамон, имбирь, корица, перец, гвоздика).

7

Мама (хинди).

8

Ренука Йелламма – Великая Мать, очень почитаемая в индуизме богиня.

9

Утвержденные в правах земельные собственники в Индии после колонизации Индии Великобританией.

10

Храмовая проститутка.

11

Одна из высших каст индийского общества. Исторически брахманы были жрецами и монахами.

12

Часть сари, на которой расположен самый насыщенный узор, край одной стороны полотна, свисающий с левого плеча женщины.

13

Струнный музыкальный инструмент, используемый в классической индийской музыкальной традиции.

14

Верховный Владыка, в индуизме Бог, обладающий телом; часто синоним бога Шивы.

15

Церемония «Первая ритуальная ночь».

16

Религиозный обряд в индуизме, во время которого образу божества преподносят благовония, цветы или пищу.

17

«Вечно счастливые», еще одно название храмовых проституток.

18

Приветствие.

19

Завязки на одежде.

20

Овощи в кляре из нутовой муки.

21

Точка, которую наносят красной краской на лоб.

22

Характер, горячность (хинди).

23

Жареные пирожки с пряной начинкой.

24

Древняя, популярная и поныне командная игра, своего рода сочетание пятнашек и регби (но без мяча).

25

Тропическое дерево, произрастающее в Индостане.

26

Мелодии, используемые в индийской классической музыке.

27

Бамбуковая палка с металлическим наконечником.

28

Традиционная рубаха без пояса, достигающая до колен.

29

Чатни – индийские соусы, роти – индийский хлеб, лепешки.

30

Жареные лепешки с овощной начинкой.

31

Крепкий дешевый алкогольный напиток.

32

Вегетарианское карри.

33

Врач, практикующий Аюрведу, традиционную индийскую медицину.

34

Традиционное мужское одеяние в виде полосы ткани, которую обертывают вокруг бедер, а затем один конец ткани пропускают между ног.

35

Жевательная смесь из табака и листьев бетеля, легкий стимулирующий наркотик.

36

Орнамент, который наносят на пол цветным порошком.

37

Дословно «глаза Рудры», дерево с большими листьями, считающееся священным. Светлая, почти белая древесина очень крепкая, предметы, сделанные из нее, несут ритуальный смысл.

38

Широкий сосуд, обычно медный, своего рода большая пиала на ножке.

39

Форма приветствия.

40

Ожерелье, связывающее проститутку с храмом.

41

Священный знак, который наносится на лоб.

Купить: https://telnovel.com/trasi_amita/nebo-cveta-nadezhdy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)